

The book cover features a large, gnarled tree trunk with a hollowed-out section. Inside this opening, a person is seen sitting at a desk, illuminated by a warm, golden light. The background is a misty, blue-toned forest of bare trees. The author's name is at the top, and the title is in large letters at the bottom.

ОЛИВИЯ КРОСС

ГОРДИЕВ
УЗЕЛ

роман

Оливия Кросс
ГОРДИЕВ УЗЕЛ

«Автор»

2026

Кросс О.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ / О. Кросс — «Автор», 2026

АННОТАЦИЯ Этот роман — не о плохих родителях и не о слабых детях. Он о заботе, которая становится властью. О защите, которая лишает движения. О подмене, в которой всё выглядит правильным. Илья — женатый мужчина, привыкший быть «хорошим сыном». Анна — замужняя женщина, для которой отцовская защита всегда была опорой. Их родители искренне любят и искренне страдают. И именно поэтому никто не видит катастрофы. Здесь не будет криков, разоблачений и освобождения. Будут звонки среди ночи, чашки на столе, фразы «я всё сделаю», «тебе не нужно», «я рядом». Будет жизнь, в которой роли давно распределены — и менять их уже не приходит в голову. «Гордиев узел» — роман-узнавание. О том, как любовь становится функцией. Как семья превращается в систему. И как под флагом заботы и защиты исчезает право жить своей жизнью. После этой книги не хочется спорить. Хочется молчать.

© Кросс О., 2026

© Автор, 2026

Оливия Кросс

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

ЗАБОТА

часть 1

Глава 1

Телефон завибрировал не сразу, сначала коротко дрогнул на тумбочке, как вещь, которую тронули случайно, и только потом набрался наглости, стал настойчивее, будто имея право на ночь, на чужую кухню, на чужое дыхание, на то, что в этом доме сейчас держится на тонкой дисциплине: дети уложены, свет приглушён, дверь в спальню прикрыта не до щелчка, потому что младший кашлянул перед самым сном и Марина не захотела закрывать до конца, оставила щель, чтобы слышать, а Илья стоял в коридоре и слушал тишину, которая здесь всегда была не тишиной, а набором мелких проверок – не скрипнула ли доска, не зашуршал ли плед, не перестало ли дышать слишком ровно.

На экране высветилось «Мама», и от этого слова, от четырёх букв, плечи поднялись сами, не торопясь, как поднимается воротник от холода, хотя в квартире было тепло, батареи работали исправно, воздух стоял тяжёлый, с детским шампунем и влажной простыней. Он не взял телефон сразу, пальцы задержались над стеклом, потом всё равно легли, сдвинули зелёную кнопку; ладонь была влажной, будто он только что держал кружку, хотя кружки не было, была только тумбочка и тонкий коврик под ногами, который неприятно цеплялся за кожу.

Он вышел в кухню тихо, без света, поставил локоть на столешницу, чтобы не качнулась табуретка, и приложил телефон к уху. В трубке сначала была пауза – не техническая, не пустая, пауза человеческая, в которой кто-то проверяет, подняли ли, слышат ли, не прервали ли. Потом знакомый голос, чуть ниже, чем днём, и слишком мягкий, от него на языке появлялась вата. «Илюш... Ты не спишь?» Он не ответил «сплю», слово не помещалось в горле, он произнёс то, что всегда произносил, чтобы не началось лишнего: «Нет. Что случилось?» От этих слов в животе потянуло вниз, не болью, а тяжестью, как если бы внутрь положили что-то маленькое, но обязательное. «Ничего, ничего... я просто... у меня давление опять. Я посидела, думала, пройдёт. Не проходит. Я не хотела тебя будить, ты же, наверное, устал, у тебя же семья, дети...» Она говорила быстро, без запятых, и в каждой фразе было место для того, чтобы он вставил «я приеду», оно оставлялось заранее, как чистая тарелка на столе. Он смотрел в тёмное окно, где отражалась кухня – стол, край шторы, его собственное лицо серым пятном – и чувствовал, как пальцы правой руки сжимаются на краю столешницы, ногти упираются в гладкий пластик.

Из спальни не доносилось ничего, только ровное шуршание одеяла, которое всегда было у Марины слишком лёгким, она укрывалась по шею, даже когда дома жарко. Он прислушался и сказал чуть тише: «Мам, ты таблетки выпила?» Вопрос был правильный, медицинский, безопасный, он давал возможность остаться на кухне и не надевать куртку. Она вздохнула в трубку так, что этот вздох попал прямо в его ухо и остался там, тёплым влажным пятном. «Выпила, конечно. Я же не маленькая. Просто... я уже не та, Илюш. Понимаешь? Я сижу и думаю: ну ладно, сейчас пройдёт, сейчас отпустит. А оно... оно держит. И сердце стучит. Я подумала, вдруг... вдруг если я усну, а оно... Ты же у меня самый понимающий. Я же не для этого позво-

нила, чтобы ты мчался. Просто, чтобы ты знал. Чтобы я не одна тут сидела. Ты же понимаешь, мне больше некому».

Его язык коснулся нёба, там было сухо. Он сделал глоток воздуха, и воздух оказался холоднее, чем должен быть, хотя окна закрыты. «Я... у нас тут...» – слова рвались в разные стороны: «младший температурит», «Марина спит», «завтра рано», «я не могу», и ни одно не складывалось в предложение, которое можно произнести. Он сказал: «У нас младший с температурой. Марина рядом. Я на кухне. Слушаю тебя». В трубке снова пауза, и в этой паузе он успел услышать, как в спальне Марина повернулась, кровать тихо скрипнула, и он вдруг ощутил, что стоит слишком близко к двери, будто кто-то может открыть и увидеть его там, на кухне, с этим светящимся прямоугольником у уха, с лицом, которое не принадлежит дому.

«Бедненький...» – сказала мама, и это слово было не про ребёнка, оно было про весь его вечер, про то, что в этой семье всё всегда сложно, и он один из тех, кто держит. «А Марина как? Наверное, совсем вымоталась. Ты ей скажи, чтобы она не волновалась, бабушка бы помогла, если б могла... Я же понимаю, Илюш. Я всё понимаю. Ты не переживай. Ты только... ты только скажи, ты бы мог, если что, подъехать? Не сейчас, нет. Я не прошу. Просто... если вдруг станет хуже. Мне даже не страшно, просто... неприятно одной. Я привыкла, конечно. Я всегда одна. Но иногда... иногда хочется, чтобы хоть кто-то знал, что ты сидишь, и у тебя в груди стучит».

Он поставил телефон на громкость чуть ниже, потому что боялся, что голос в трубке станет слышен из коридора, будто он выставит маму в дом, посадит её на табуретку рядом с ними. Он провёл ладонью по столу, по крошкам, которых там не было, по гладкой поверхности, и ладонь оставила влажный след, невидимый в темноте, но ощущаемый кожей. «Мам, ты сейчас одна? Дверь закрыта?» «Закрыта, конечно. Что ты. Я же не сумасшедшая. Я же тебе говорю, я просто... давление. Ты же знаешь, у меня иногда. Я не хочу тебя напрягать. Ты и так... ты у меня хороший. Ты единственный, кто... Ты только не ругайся, ладно? Я же не хотела. Но когда в груди... ну ты понимаешь. Ты же у меня умный». Слово «умный» упало на него тяжело, как награда, которую нельзя уронить, потому что её вручали не за что-то конкретное, а за саму готовность быть.

Он поймал себя на том, что уже мысленно надевает куртку. В голове сдвинулась картинка: ключи на крючке, тихий поворот замка, ступенька, холод подъезда, машина во дворе, тёмный салон, руки на руле.

Тело шло впереди, и это было самое страшное, потому что рот ещё пытался держаться за слова. «Я сейчас... я приеду, посмотрю. Быстро. Ты только не паникуй». Он услышал собственный голос, и в нём не было решения, в нём было согласие, произнесённое так давно, что оно стало тембром. «Господи, Илюш, не надо. Я же не хочу, чтобы ты... Я всё понимаю. Я правда. Ты только... ты только будь осторожен. И Марине не говори, она и так... ей тяжело. Я не хочу быть причиной. Я же не такая. Я просто мама. Я просто волнуюсь».

Он посмотрел на дверь спальни, на ту щель, где должен был быть свет, но света не было, только темнота. Щель казалась острой, как лезвие. Он снял телефон от уха на секунду, чтобы вдохнуть глубже, и заметил, что пальцы на другой руке всё ещё сжаты, суставы побелели, ногти оставили на коже полукруги. Он поднёс телефон обратно и сказал: «Я скоро».

Слова прозвучали тихо, но они уже сделали своё: квартира вокруг стала не местом, где спят дети, а пунктом отправления. Мама шепнула в трубку: «Спасибо. Ты у меня... ты у меня самый хороший. Я подожду. Я всегда здесь, если что».

Он нажал «сбросить» не сразу, палец завис, потом всё-таки коснулся экрана, и в кухне стало пусто, как после того, как выключили радио. Телефон остался в руке тёплым, почти живым. Он постоял ещё секунду, потом положил его на стол, очень аккуратно, как кладут что-то хрупкое, чтобы не разбилось, и только тогда понял, что всё уже началось: ноги сами повернули к коридору, к крючку с ключами, к куртке, которая пахла улицей, и он снял её осторожно, чтобы не шелохнулась вешалка, и в этой осторожности было больше шума, чем в любом крике.

Илья остановился у двери спальни и постоял так, будто считал до десяти, хотя счёт не шёл, цифры не складывались, вместо них было только это чувство – как будто Илья держит что-то тяжёлое обеими руками и если отпустит хоть на секунду, оно упадёт и разобьётся. Он тихо нажал на ручку, дверь поддалась без звука, и тёмная комната приняла его сразу, плотным тёплым воздухом. Марина лежала на боку, лицом к стене, одна рука вытянута вверх одеяла, пальцы расслаблены, будто только что выпали из сна. Илья посмотрел на неё дольше, чем нужно, и от этого взгляда внутри что-то сдвинулось, не больно, а так, как сдвигается мебель в чужой квартире, когда не знаешь, куда поставить.

Он подошёл к кровати, наклонился и на секунду задержал дыхание, проверяя – не проснётся ли. Дыхание у неё было неровное, с паузами, младший ребёнок за стеной кашлянул, коротко, почти вопросительно. Илья выпрямился и отступил назад, и пол под ногами скрипнул, совсем чуть-чуть, но Илья замер, как будто это был гром. Марина не шевельнулась. Он провёл ладонью по лицу, кожа была горячей, и ладонь осталась влажной. В груди теснота собралась плотнее, стала круглой, как комок, который нельзя ни проглотить, ни выплюнуть.

Он вышел в коридор, притворил дверь так же, как она была – не до конца, оставив щель, и эта щель теперь смотрела на Илью, как немой упрёк. Он взял ключи, металл тихо звякнул, и от этого звука Илья вздрогнул сильнее, чем от маминого звонка. Куртка оказалась тяжёлой, как будто за день впитала в себя всё, что Илья не сказал. Он надел её медленно, следя, чтобы молния не скрипнула, и в этот момент поймал себя на том, что плечи всё ещё подняты, так и остались там, у шеи, и пришлось опустить их усилием, как опускают руки после долгого удержания.

На лестничной площадке пахло чужими ужинами и холодом. Илья закрыл за собой дверь, повернул ключ осторожно, и щёлчок замка прозвучал слишком отчётливо, будто дом отметил его уход. Лифт ехал долго, цифры на табло менялись лениво, и Илья смотрел на своё отражение в металлической стенке – лицо вытянутое, глаза чуть шире обычного, как у человека, которого разбудили не звонком, а мыслью. В кармане завибрировал телефон, коротко, и у Ильи дёрнулась рука, но это было не сообщение, а уведомление о низком заряде, и от этого стало легче и одновременно хуже, потому что тишина осталась.

Во дворе было пусто, редкие окна светились, машины стояли рядами, как уснувшие животные. Илья сел за руль, захлопнул дверь, и салон сразу стал тесным, запах пластика и вчерашнего кофе ударил в нос. Он положил руки на руль, и они легли там правильно, как будто всегда знали это место. Двигатель завёлся тихо, почти извиняясь. Илья выехал со двора, медленно, следя за зеркалами, и когда машина выровнялась на пустой улице, он поймал себя на том, что смотрит в зеркало заднего вида дольше, чем нужно, и резко отвёл взгляд, будто там могли увидеть.

Дорога была ровной, фонари стояли на одинаковом расстоянии, свет ложился полосами, и эти полосы скользили по капоту, по стеклу, по его рукам. Илья ехал и чувствовал, как внутри появляется что-то вроде облегчения – маленького, осторожного, – и тут же рядом с ним поднималось другое, тяжёлое, липкое, от которого хотелось сжать зубы. Он убрал одну руку с руля, потёр ладонь о джинсы, и ткань была шершавой, за неё легко было зацепиться, как за что-то настоящее. Телефон лежал в подстаканнике, экран чёрный, и от этого чёрного прямоугольника исходило давление, как от вещи, которая может заговорить в любой момент.

Он остановился на светофоре, хотя машин не было, красный свет загорелся внезапно, и Илья встал, положив обе руки обратно на руль. В голове мелькнула мысль – короткая, без слов, – что Илья мог бы сейчас развернуться. Мысль не успела оформиться, её перекрыло ощущение в груди, где что-то медленно тянулось вниз, как если бы к нему привязали тонкую нить. Свет сменился на зелёный, и Илья поехал дальше.

У дома матери подъезд был тёмный, одна лампочка мигала, освещая ступени кусками. Илья вышел из машины, захлопнул дверь, и звук показался слишком громким, как хлопок в ладони. Поднимаясь по лестнице, Илья чувствовал, как сердце бьётся чуть быстрее обычного, не от спешки, а от того, что всё уже решено, и тело знает это раньше головы. Он остановился перед дверью, поднял руку, чтобы нажать на звонок, и задержал её там, в воздухе. Пальцы дрожали едва заметно, и Илья сжал их в кулак, чтобы остановить дрожь. Из-за двери не доносилось ни звука. Он нажал.

Когда дверь открылась, тёплый воздух квартиры выкатился навстречу, и вместе с ним запах лекарств и чего-то сладкого, знакомого с детства. Мама стояла в халате, волосы убраны небрежно, на лице – то выражение, которое появлялось всегда, когда Илья приходил ночью: облегчение, прикрытое заботой. «Ой, Илюш... Зачем ты приехал? Я же говорила...» Она отступила, пропуская его, и в этом движении было всё: приглашение, оправдание, право. Илья вошёл, снял куртку, повесил её на крючок, и руки сделали это автоматически, без команды.

Он прошёл на кухню, сел за стол, и стол был тёплым, будто его ждали. Мама суетилась, ставила чайник, говорила что-то про таблетки, про давление, про то, что всё уже лучше, и каждое слово ложилось на Илью ровно, как слои. Он кивал, смотрел на её руки, на то, как они двигаются уверенно, без дрожи, и внутри снова появилось это странное сочетание – облегчение и что-то, что не отпускало, как тянущийся след. Телефон в кармане молчал. И именно это молчание оказалось самым тяжёлым.

Глава 2

Утром квартира казалась уже не той, что ночью, хотя мебель стояла на местах, чашки – в раковине, детские носки – под столом. Воздух был плотнее, будто в нём что-то осело за ночь и не успело выветриться. Илья стоял у окна с кружкой, из которой поднимался пар, и ждал, пока закипит чайник, хотя вода уже кипела, и чайник давно щёлкнул, просто он не снял его сразу, не услышал или сделал вид, что не услышал. Внизу двор просыпался: хлопнула дверь подъезда, завёлся автомобиль, где-то на площадке заговорили громко, не стесняясь утренних стен.

Марина вышла из спальни медленно, в растянутой футболке, волосы собраны небрежно, и это утро держалось на ней так же, как всё остальное – тихо, без заявлений. Она поставила ладонь на край стола, остановилась, будто примеряясь, и только потом села. Илья не обернулся

сразу, продолжал смотреть в окно, где свет падал полосами на мокрый асфальт. Кружка в его руке была слишком горячей, пальцы сами переставили её на стол, ближе к краю.

Дети проснулись раньше обычного, старшая возилась в комнате, младший покашливал, кашель был редким, но цепким. Марина прислушалась, наклонила голову, как будто ловила звук, и сказала негромко: «Температура ночью поднялась. Я сбивала. Сейчас вроде ничего». Она говорила ровно, без просьбы, и от этого каждое слово весило больше. Илья кивнул, не поднимая взгляда, кивок получился лишним, слишком явным, но он не остановил его. Он сказал: «Я заеду после работы в аптеку». Фраза была готовой, как заученная, и в ней не было времени – ни вчерашнего, ни сегодняшнего.

Марина посмотрела на него, и взгляд задержался дольше обычного. Не требовательно, не с укором – просто задержался. «Ты вчера поздно вернулся», – сказала она, и это было не вопросом, а констатацией, вроде замечания о погоде. Илья почувствовал, как плечи снова поднимаются, хотя он не заметил, как они опустились ночью. Он ответил не сразу, взял ложку, размешал чай, ложка звякнула о стенку кружки, звук был резкий. «Мама звонила. Давление», – сказал он, и слова легли между ними, как предмет, который нельзя убрать со стола.

Марина не ответила сразу. Она придвинула к себе кружку, подула на чай, но не стала пить. «Я поняла», – сказала она наконец, и это «поняла» прозвучало так, будто ей не нужно было объяснение. В кухне стало теснее. Илья смотрел на её руки, на то, как она держит кружку обеими ладонями, и вдруг заметил, что ногти коротко острижены, на одном – маленький скол лака. Этот скол почему-то зацепил сильнее всего.

Дети выбежали на кухню шумно, старшая села рядом с Мариной, младший полез на стул сам, и стул закричал, едва не опрокинувшись. Илья подхватил его автоматически, ладонь легла на спинку, и в этом движении было больше силы, чем нужно. Младший засмеялся, кашель на секунду исчез, и эта секунда была почти облегчением. Марина посмотрела на них обоих и сказала: «Ешьте быстрее, в школу опоздаем». Слова были привычные, утренние, и всё равно в них чувствовалось напряжение, как в натянутой струне.

Телефон Ильи лежал на столе экраном вниз. Он не смотрел на него, но знал, где он, знал это телом, как знают положение языка во рту. Экран не загорался, и от этого было странно. Марина встала, пошла к плите, достала сковородку, поставила её на огонь, и звук газа показался слишком громким. Илья встал тоже, отодвинул стул, помог старшей надеть куртку, движения были точные, отработанные, и всё равно внутри было ощущение, что он опаздывает, хотя часы показывали, что времени достаточно.

Когда дети ушли в комнату за рюкзаками, Марина осталась у плиты. Она перевернула что-то лопаткой, запах подгоревшего масла смешался с чаем. «Ты сегодня вечером дома?» – спросила она, не оборачиваясь. Вопрос повис в воздухе, как крючок. Илья почувствовал, как внутри что-то сжалось, не больно, а тесно. «Да», – сказал он, и слово прозвучало слишком быстро. Он добавил: «Если ничего не случится». Фраза выскочила сама, без расчёта.

Марина повернулась, посмотрела на него, и в этом взгляде не было злости. Было что-то другое – усталое, плотное. «У тебя всегда что-то случается», – сказала она спокойно. Не как упрёк, а как факт, который давно перестали обсуждать. Илья открыл рот, чтобы ответить, но слова не пришли. Он посмотрел на стол, на крошки, на тень от кружки, и в этом взгляде было больше, чем в любой фразе.

Телефон всё ещё молчал. Илья поймал себя на том, что ждёт, что экран загорится, что появится имя, и от этого ожидания стало холодно в ладонях. Марина выключила газ, сняла сковородку, поставила её на подставку. «Я сегодня сама заеду к врачу», – сказала она, и это прозвучало как решение, принятое без него. Илья кивнул, снова этот кивок, который появлялся слишком часто, и почувствовал, как между ними образуется тонкий слой, прозрачный, но ощутимый.

Когда они выходили из квартиры, Марина задержалась у двери, проверила сумку, Илья стоял рядом, ключи в руке звякнули. Он посмотрел на неё и хотел сказать что-то простое, вроде «позвони, если что», но слова застряли. Марина взяла ключи сама, повернула замок, и звук щелчка был таким же отчётливым, как ночью. В подъезде пахло тем же холодом и чужими завтраками. Илья шёл рядом, и каждый шаг отдавался в груди тупым, ровным ударом.

На улице было серо, не по-утреннему, как будто день уже устал заранее. Машины тянулись медленно, двор шумел глухо, без резких звуков. Илья помог Марине усадить младшего в кресло, ремень щёлкнул, и этот щелчок почему-то совпал с его дыханием – на секунду всё выровнялось, потом снова поехало. Старшая хлопнула дверью сама, слишком громко, но никто не сделал замечания. Марина обошла машину, села на пассажирское сиденье, положила сумку на колени. Илья завёл двигатель, руки легли на руль привычно, будто сами нашли нужное расстояние.

Ехали молча. Светофоры сменялись, двор остался позади, дорога вытянулась ровной лентой. Марина смотрела вперёд, не в окно, а именно вперёд, как смотрят, когда не ждут поворотов. Илья поймал себя на том, что прислушивается не к дороге, а к тишине между ними, и тишина была плотной, не пустой. Телефон в кармане джинсов лежал тяжело, как лишний предмет, и от этого кармана тянуло вниз.

У школы Марина вышла первой, открыла дверь, помогла детям. Старшая побежала к калитке, не оглядываясь. Младший оглянулся, кашлянул, и Илья автоматически потянулся, чтобы поправить ему воротник, движение было коротким, резким. Марина посмотрела на это движение, задержала взгляд на секунду, потом отвернулась. «Я вечером напишу», – сказала она, и в этой фразе не было просьбы. Илья кивнул. Кивок снова оказался единственным, что нашлось.

Он уехал один. Машина казалась легче без пассажиров, но от этого внутри стало пусто, как после того, как вынесли мебель и оставили голые стены. Дорога к работе была привычной, тело ехало само, и именно это пугало больше всего. Он остановился на светофоре, посмотрел на часы, потом на телефон, который наконец загорелся. Имя высветилось сразу, без вступлений. Илья не взял трубку, просто смотрел, как экран светится, как имя держится там, не мигая. Плечи поднялись сами. Он перевёл телефон в беззвучный режим, положил обратно, и от этого жеста стало одновременно легче и теснее.

Зелёный загорелся, машина тронулась. Илья поехал дальше, стараясь держать скорость ровной. Мысли не складывались, вместо них было ощущение, что день уже идёт не туда, хотя стрелки часов двигались правильно. Он свернул на парковку у работы, заглушил двигатель и остался сидеть, не выходя. Руки лежали на руле, пальцы сжались сами, потом медленно разжались. Телефон молчал. И именно это молчание снова оказалось самым заметным.

Он вышел из машины, захлопнул дверь, звук разошёлся по пустой парковке. Воздух был холоднее, чем казалось из салона. Илья пошёл к входу, шаги отдавались в теле ровно, как удары. Перед дверью он остановился, задержался на секунду, как будто проверяя, всё ли с ним на месте. Потом толкнул дверь и вошёл. За спиной стекло закрылось тихо, почти вежливо.

Глава 3

В кабинете было слишком светло для утра, лампы горели ровно, без тени, и от этого хотелось прикрыть глаза, как на улице после снега. Илья сел за стол, включил компьютер и сразу же выключил звук – не потому что мешал, а потому что любой сигнал сейчас мог стать лишним. Экран загорелся, почта потянулась списком, цифры, темы, чужие срочности. Он смотрел на них, не читая, и в этот момент телефон в кармане напомнил о себе короткой вибрацией. Илья не достал его сразу. Пальцы сжались, потом разжались. Он знал, что там, знал без проверки, и это знание было плотнее любого сообщения.

– Ты чего такой? – спросил Андрей из соседнего стола, не поднимая головы. Он говорил, как всегда, между делом, без интереса, просто отмечая факт, как отмечают погоду. – Ночь не удалась?

Илья пожал плечами, жест вышел неловким, слишком заметным.
– Обычная, – сказал он. Слово прозвучало пусто.

Андрей хмыкнул, покрутил ручку в пальцах.
– У тебя все ночи обычные. Ладно, если что – я на обеде выйду, подменю.

Это «если что» повисло между ними. Илья кивнул, снова этот кивок, и отвернулся к экрану, будто там было что-то важное. В голове всплыло утреннее: Марина у плиты, её спина, ровная, прямая, и фраза – «У тебя всегда что-то случается». Он поймал себя на том, что мысленно повторяет её, как будто проверяя, изменится ли от повтора смысл. Не изменился.

Телефон снова завибрировал. На этот раз Илья достал его, положил на стол экраном вверх. Имя стояло спокойно, без знаков, без просьб. Он не взял трубку. Подождал, пока экран погаснет. Внутри было ощущение, будто он сделал что-то запрещённое, но не пойманное. Рука сама потянулась перевести звук окончательно, и он это сделал, не глядя, большим пальцем. Потом убрал телефон в ящик стола, под папки.

– Не берёшь? – Андрей наконец посмотрел на него.
– Потом, – сказал Илья.

Андрей пожал плечами, вернулся к своему. Тишина в кабинете стала другой, не рабочей, а настороженной, как в лифте, где застряли на секунду дольше. Илья открыл документ, начал печатать, пальцы попадали по клавишам уверенно, будто знали текст заранее. Через пару минут он понял, что пишет не то, перепутал строки, и остановился. В груди что-то медленно поднималось, не тревогой, а давлением, как когда долго сидишь согнувшись.

Он встал, пошёл к кулеру, налил воды. Стакан был холодный, и холод пошёл вверх по ладони. Он выпил залпом, вода ударила в горло, на секунду перехватило дыхание. Телефон в ящике молчал, и от этого молчания было слишком много места вокруг. Илья вернулся за стол, сел, положил руки на клавиатуру и вдруг почувствовал, как внутри появляется раздражение

– резкое, не к месту. Раздражение на Андрея, на лампы, на документ, на то, что всё идёт как обычно.

Сообщение пришло не на телефон, а в мессенджер на компьютере. Илья вздрогнул от звука, хотя звук был выключен. Текст был короткий:

«Илюш, всё хорошо. Я просто хотела сказать. Не волнуйся».

Он смотрел на эти слова дольше, чем нужно. «Просто хотела сказать» – фраза без веса, без просьбы, и от этого ещё тяжелее. Он не ответил сразу. Написал «Хорошо», стёр. Написал «Позже заеду», стёр. Написал «Как ты?» – и остановился. Вопрос был слишком открытым. Он закрыл чат, будто закрывал окно, и сразу пожалел. Открыл снова. Написал: «Отпишусь позже». Отправил. Строчка ушла вверх, исчезла.

– Слушай, – Андрей отодвинулся на стуле, – ты точно в порядке?

– В порядке, – сказал Илья, и это «в порядке» прозвучало как защита, а не как ответ.

Андрей помолчал, потом сказал тише:

– Ты знаешь, что ты не обязан...

Он не закончил. Илья поднял голову.

– Я знаю, – сказал он. Слишком быстро.

Они оба замолчали. В этой паузе было слишком много того, что нельзя сказать в кабинете с лампами и столами. Илья снова сел за работу, заставил себя читать, отмечать, отвечать. Время пошло, часы на стене сдвинулись на пару делений. Телефон не напоминал о себе. Илья поймал себя на том, что ждёт этого, ждёт, как ждут подтверждений, и от этого ожидания внутри становилось тесно.

На обеде он вышел один, не стал звать Андрея. В столовой было шумно, ложки звенели, люди говорили громко, и этот шум на секунду отпустил. Он взял поднос, сел у окна. Ел механически, не чувствуя вкуса. За соседним столом кто-то смеялся, смех был резкий, и от него захотелось отвернуться.

Телефон лежал рядом, экран вниз. Илья перевернул его, проверил – ничего. Он подумал о Марине, о том, как она сказала «Я сегодня сама заеду к врачу», и в этом «сама» было больше, чем просто слово. Он подумал о матери, о фразе «Не волнуйся», и в этом тоже было больше, чем слова. Две одинаковые конструкции, разные по направлению, и он стоял между ними, как между двумя стенами, которые медленно сходятся.

Когда он вернулся в кабинет, Андрей уже ушёл. Илья сел за стол, открыл документ, и работа пошла ровнее. Руки перестали дрожать, дыхание выровнялось. На секунду появилось ощущение, что всё под контролем. Потом телефон снова завибрировал в ящике, глухо, как из-под воды. Илья не стал доставать. Он продолжил печатать, и буквы ложились на экран ровно, будто ничего не происходило.

...Вибрация повторилась ещё раз, уже настойчивее, и Илья поймал себя на том, что считает секунды между толчками, как считают паузы в разговоре, который не решаются продолжить. Он всё-таки выдвинул ящик, достал телефон и положил рядом, не разблокируя. Экран погас почти сразу, оставив после себя тёплое пятно света в глазах.

Работа тянулась до вечера без событий. Несколько писем, пара коротких разговоров, подписи, цифры. Илья выполнял всё аккуратно, даже педантично, как будто точность могла удержать что-то более хрупкое. В шесть он закрыл компьютер, встал, надел куртку. В коридоре пахло чужими духами и пылью. Он спустился по лестнице, считая ступени, и на улице остановился, прежде чем идти к машине.

Небо было низким, серым, таким, которое не обещает ни дождя, ни прояснения. Илья сел за руль, завёл двигатель, но не выехал сразу. Телефон лежал на пассажирском сиденье. Он взял его в руку, провёл пальцем по экрану. Новых сообщений не было. Он подумал, что можно было бы позвонить Марине, спросить, как прошёл день, но мысль осталась мыслью. Вместо этого он тронулся с места, влился в поток.

Дорога домой была привычной, до автоматизма. Он ловил себя на том, что знает каждый поворот, каждый светофор, и в этом знании было что-то успокаивающее. Машины вокруг двигались плотно, кто-то сигналил, кто-то резко перестраивался. Илья держался ровно, без рывков. На одном из перекрёстков телефон зазвонил. Он не посмотрел сразу на экран, но рука сжалась на руле.

Имя высветилось спокойно, без срочности. Илья не ответил с первого гудка. Второй. Третий. Он включил поворотник, съехал к обочине и только тогда принял вызов.

– Да, – сказал он.

– Илюш... – голос был ровный, чуть тише обычного. – Я не отвлекаю?

Он посмотрел на дорогу перед собой, на серый асфальт, уходящий вперёд.

– Нет, – сказал Илья.

Пауза растянулась. Он слышал дыхание в трубке, медленное, осторожное.

– Я просто хотела сказать... – снова эта фраза, знакомая, почти родная. – Всё правда хорошо. Ты не переживай.

Илья кивнул, хотя она не могла этого видеть.

– Хорошо, – сказал он.

– Ты сегодня устал, наверное, – продолжила она. – У тебя же работа, дети... Я всё понимаю.

Слово «понимаю» легло тяжело. Илья почувствовал, как плечи сами собой напряглись, будто готовясь подхватить что-то.

– Нормально всё, – сказал он.

– Я рада, – ответила она. – Правда. Ты у меня молодец. Ты правильно всё делаешь.

Он смотрел на свои руки на руле, на белые полосы костяшек.

– Спасибо, – сказал Илья.

Снова пауза.

– Если вдруг что... – начала она и замолчала. Потом добавила: – Я всегда здесь.

Он не ответил сразу. В груди стало тесно, как от слишком глубокого вдоха.

– Я знаю, – сказал он наконец.

– Ну вот и хорошо, – сказала она, и в голосе прозвучало облегчение. – Я не буду тебя задерживать.

– Давай, – сказал Илья.

– Береги себя, – добавила она и отключилась.

Илья ещё несколько секунд держал телефон у уха, слушая пустоту. Потом опустил руку, положил телефон на сиденье. Он не заводил машину сразу, сидел, глядя в одну точку. Внутри было странное сочетание – как будто стало легче и тяжелее одновременно. Он сжал пальцы, разжал, снова сжал. Руки не хотели отпускать руль.

Дом встретил его привычным шумом. Марина была на кухне, дети спорили в комнате.

– Ты поздно, – сказала Марина, не оборачиваясь.

– Задержался, – ответил Илья.

Она кивнула, поставила чайник.

– Младший уснул, – сказала она. – Температура спала.

– Хорошо, – сказал Илья и сел за стол.

Они ужинали молча. Марина иногда поднимала на него взгляд, но ничего не спрашивала. Илья ел медленно, чувствуя, как усталость наваливается всей тяжестью. После он помог убрать со стола, вымыл чашки. Вода была тёплой, скользкой, и это ощущение на секунду отвлекло.

Ночью он лежал рядом с Мариной, слушал её дыхание. Комната была тёмной, только свет от фонаря за окном вычерчивал полосы на стене. Телефон лежал на тумбочке, экраном вверх. Он не звонил. Илья поймал себя на том, что прислушивается к тишине, как к звуку, и от этого не мог уснуть. В какой-то момент он перевернул телефон экраном вниз, будто это могло что-то изменить, и закрыл глаза.

Телефон так и не зазвонил. И именно это не давало покоя дольше всего.

Глава 4

Илья проснулся раньше будильника, как будто тело решило, что ждать больше нечего. Темнота в комнате была плотной, не ночной даже, а утренней, с тем особым оттенком, когда город ещё не решил, просыпаться ему или нет. Он лежал неподвижно, чувствуя, как под одеялом собирается тепло, и не шевелился – не из заботы о Марине, а потому что любое движение казалось лишним, будто за ним обязательно последует что-то ещё, более тяжёлое. В груди было ровно, но это ровное ощущалось подозрительно, как слишком гладкая поверхность, по которой легко поскользнуться.

Марина спала на боку, отвернувшись к стене. Волосы растрепались, одна прядь застряла между щекой и подушкой. Илья отметил это мельком, без нежности, как отмечают положение предметов в комнате, прежде чем выйти. Он осторожно сел, поставил ноги на пол и почувствовал холод – не резкий, а тянущий, такой, который не будит сразу, а остаётся в стопах, поднимаясь медленно. Он постоял так несколько секунд, позволяя холоду распределиться, и только потом пошёл на кухню.

На кухне пахло вчерашним ужином. Запах был слабым, почти исчезнувшим, но именно поэтому цепким. Илья включил чайник, не глядя, и сел за стол. Стул тихо скрипнул, и он замер, прислушиваясь, не шевельнулась ли Марина. В ответ – ничего. Тишина держалась, как крышка, которую не хочется открывать раньше времени.

Телефон лежал экраном вниз. Илья не переворачивал его сразу. Он знал, что там ничего нового нет, и всё равно тянул время, будто от этого зависело что-то важное. Когда он всё же взял его в руку, пальцы легли привычно, уверенно, без напряжения. Экран загорелся. Никаких пропущенных. Илья почувствовал лёгкое, почти незаметное раздражение – не на мать, не на себя, а на сам факт, что внутри что-то ждало.

Чайник щёлкнул. Илья налил воду в кружку, не дожидаясь, пока она полностью закипит. Пар поднялся тонкой струйкой, сразу же рассыпался в воздухе. Он сделал глоток и обжёгся, но не отдёрнул руку. Обжигание было чётким, понятным, без двойного дна. Он сделал ещё глоток, медленнее, и поставил кружку на стол.

В этот момент телефон завибрировал.

Звук был короткий, негромкий, но отозвался где-то ниже рёбер, как удар по натянутой струне. Илья посмотрел на экран. Галина. Он не вздохнул и не напрягся – тело отреагировало раньше, сжатием в животе, таким, будто он резко сел на край слишком жёсткого стула. Он провёл пальцем по экрану и поднёс телефон к уху.

– Илюш, – сказала Галина тихо, почти шёпотом. – Ты не спишь?

Илья посмотрел на окно. За стеклом было всё то же неопределённое утро.

– Уже нет, – ответил он.

– Я подумала, ты, может, уже встал... – Галина сделала паузу, слишком длинную для обычного начала разговора. – Я не хотела будить. Просто... ну, раз ты уже...

Илья молчал. Он держал телефон у уха и чувствовал, как плечи медленно поднимаются, будто готовясь к чему-то.

– Как ты? – спросил он.

– Да нормально, – сказала Галина быстро, слишком быстро. – Ничего такого. Просто ночь была... беспокойная. Давление, наверное. Сейчас уже лучше.

Илья сжал пальцы вокруг телефона. Пластик был тёплым, почти мягким.

– Ты мерила? – спросил он.

– Да мерила, мерила, – ответила Галина. – Всё в пределах. Я же не жалуясь. Просто подумала... Ты ведь всё равно рано встаёшь.

Илья перевёл взгляд на стол. Крошка от вчерашнего хлеба лежала у самого края. Он сдвинул её пальцем, и она упала на пол.

– Марина спит? – спросила Галина.

– Спит, – ответил Илья.

– Ну и хорошо. Ей сейчас отдых нужен, – сказала Галина мягко. – Ты береги её. Ты у меня всегда был заботливый.

Илья почувствовал, как в груди что-то сместилось, совсем немного, как будто внутри что-то аккуратно переложили. Он молчал.

– Я, собственно, зачем звоню... – Галина снова замаялась. – У меня тут лампочка на кухне перегорела. Пустяки, конечно. Я бы и сама, но табуретку тащить... да и голова ещё тяжёлая. Я подумала, вдруг ты по дороге на работу заскочишь. Если не получится – ничего страшного, я привыкла.

Слово «привыкла» прозвучало отчётливо, как если бы его положили на стол между ними. Илья почувствовал, как плечи поднимаются ещё выше. Он задержал дыхание, потом выдохнул.

– Я заеду, – сказал Илья.

Галина не ответила сразу.

– Ты не обязан, – сказала она наконец. – Я не для этого звонила. Просто... раз уж поговорили.

– Я заеду, – повторил Илья.

– Ну смотри, – сказала Галина тихо. – Я тогда чай поставлю. Ты же с утра ничего не ешь.

Илья закрыл глаза. В темноте за веками не было ничего.

– Ладно, – сказал он.

– Спасибо, Илюш, – сказала Галина. – Ты у меня самый надёжный.

Разговор закончился без прощаний. Илья убрал телефон и несколько секунд сидел, глядя в одну точку. Потом встал и пошёл в ванную.

В ванной было холоднее, чем на кухне. Плитка под ногами показалась почти влажной, хотя пол был сухой. Илья включил воду, подождал, пока она станет тёплой, и подставил руки.

Вода стекала по пальцам ровно, без перебоев. Он долго держал руки под струёй, дольше, чем нужно, пока кожа не покраснела.

В зеркале отражалось его лицо – обычное, чуть помятое со сна. Илья смотрел на себя, не пытаясь что-то разглядеть, просто фиксируя: глаза, нос, линия рта. Он выключил воду, вытер руки полотенцем и вернулся в спальню.

Марина всё ещё спала. Илья наклонился, чтобы взять рубашку со стула, и на мгновение задержался в этом наклоне. Запах Марины был рядом – тёплый, привычный. Он выпрямился и тихо сказал:

– Я заеду к маме. Лампочка.

Марина не ответила. Только чуть глубже вздохнула и подтянула одеяло к плечу.

Илья постоял ещё секунду, потом вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Илья оделся быстро, почти автоматически, не глядя в зеркало. Куртка оказалась холодной изнутри, и он на секунду задержал руки в рукавах, прежде чем просунуть их до конца. В коридоре было полутемно. Он наступил на детскую машинку, оставленную у стены, и та тихо хрустнула пластиком. Илья замер, прислушался. Из спальни – ничего. Он поднял машинку и поставил её ровно, колёсами к стене, как будто от этого зависело что-то важное.

На лестничной клетке пахло пылью и старым линолеумом. Лифт не работал – табличка висела криво, на одном скотче. Илья пошёл пешком, считая пролёты, не специально, просто так получилось. На третьем этаже кто-то открыл дверь, мелькнул свет, потом снова стало темно. Он не обернулся.

Машина стояла там же, где он её оставил. Илья сел за руль, положил руки на него и несколько секунд не заводил двигатель. Пальцы легли на кожу руля плотно, уверенно, и от этого почему-то стало тесно в груди. Он выдохнул, завёлся и выехал со двора, стараясь не смотреть на окна своего дома.

Улица была почти пустой. Редкие машины проезжали мимо, фары скользили по асфальту, не задерживаясь. Илья ехал медленно, не потому что спешить было некуда, а потому что любое ускорение казалось лишним. На светофоре он остановился, хотя мог бы проехать – дорога была пустой. Красный свет отражался в лобовом стекле, делая салон чуть теплее на вид.

Он подумал о лампочке. Представил, как Галина стоит на табуретке, тянется вверх, держась одной рукой за шкаф. Мысль была короткой, обрывистой, без продолжения. Он переключил передачу.

Дом матери появился внезапно, как всегда. Илья припарковался у подъезда, заглушил двигатель и сразу вышел, не давая себе времени сидеть. В подъезде было тепло и пахло чем-то сладким, знакомым. Он узнал запах ещё до того, как поднялся на этаж.

Галина открыла дверь почти сразу, как будто стояла за ней.

– Проходи, – сказала она, отступая в сторону. – Я как раз чайник поставила.

Илья вошёл, снял куртку. В прихожей было тесно, вещи стояли аккуратно, но близко друг к другу. Он задел плечом вешалку, и та тихо звякнула.

– Ты рано, – сказала Галина. – Я думала, ты позже.

– Так получилось, – ответил Илья.

Он прошёл на кухню. Там действительно горел свет, и лампочка над столом мигала, как будто подтверждая необходимость его прихода. Илья взял табурет, поставил под потолком и полез вверх. Движение было привычным, отработанным. Он выкрутил лампочку, вкрутил новую. Свет стал ровным.

– Вот, – сказал он, спускаясь.

– Спасибо, – сказала Галина. – Я же говорила, пустяк. Но с тобой сразу спокойнее.

Она поставила на стол чашки, разлила чай. Запах был густой, тёплый. Илья сел, взял чашку в руки. Керамика обжигала ладони.

– Ты как? – спросила Галина, глядя на него внимательно, но не в упор.

– Нормально, – ответил Илья.

– Устал, – сказала она не вопросительно. – Я вижу. Ты всегда так, всё на себе.

Илья сделал глоток. Чай был сладким, слишком сладким.

– Марина... – начала Галина и замолчала. – Ну, ты береги её. Ты у меня хороший муж.

Илья поставил чашку на стол. Рука на мгновение задержалась на блюдце.

– Я пойду, – сказал он.

– Уже? – Галина удивлённо подняла брови. – Ты же только пришёл.

– Мне надо, – ответил Илья.

Галина кивнула, будто соглашаясь.

– Конечно, – сказала она. – Я понимаю. Ты не переживай за меня. Я справлюсь.

Илья встал. В груди стало тесно, как будто воздух в кухне вдруг сжался.

– Ты всегда можешь позвонить, – сказал он.

Галина улыбнулась.

– Я знаю, – сказала она. – Я всегда здесь.

Илья вышел, не оглядываясь. В подъезде свет был тусклым. Он спустился по лестнице, чувствуя, как в животе появляется тяжесть, не острая, а глухая. На улице было прохладно. Он сел в машину, завёл двигатель и поехал обратно.

Дорога показалась длиннее, чем утром. Когда он подъехал к дому, окна были уже светлыми. Илья поднялся по лестнице, тихо открыл дверь и вошёл. В квартире пахло кашей.

Марина стояла на кухне, помешивая что-то в кастрюле.

– Ты уже вернулся, – сказала она.

– Да, – ответил Илья.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ, [06.01.2026 14:35]

Он снял куртку и повесил её на крючок. Руки были пустыми, и от этого стало странно. Он постоял в дверях кухни, потом прошёл и сел за стол. Марина не смотрела на него.

– Всё в порядке? – спросила она.

Илья кивнул.

В кухне было тепло. Свет горел ровно. Телефон лежал на столе экраном вверх и молчал.

Глава 5

Утро началось без звонка.

Илья проснулся раньше будильника, потому что что-то мешало лежать спокойно. Не боль, не мысль – ощущение, будто тело уже встало, а он ещё нет. Он лежал, глядя в потолок, и ждал, пока это пройдёт. Не прошло.

Рядом Марина дышала неровно, коротко, как всегда, когда не выспалась. Простыня была тёплой, сбившейся к её стороне. Илья осторожно высвободил руку, стараясь не задеть. Пальцы на секунду остались в воздухе, потом легли на край матраса. Он сел.

На кухне было тихо. Холодильник гудел ровно, без перебоев. Илья налил себе воды из-под крана, выпил залпом и сразу же налил ещё. Стакан звякнул о стол. Он поставил его ближе к краю, потом подвинул обратно.

Телефон лежал там же, где вечером. Экран был тёмным. Илья взял его, перевернул, снова положил. Пальцы задержались на корпусе дольше, чем нужно, будто ожидая отклика. Экран не загорелся.

Он оделся, собрался на работу быстрее обычного. Куртка на этот раз не показалась холодной. В подъезде пахло тем же линолеумом, но запах был слабее, будто его разбавили. На улице было сыро, асфальт тянул влагу вверх.

В машине Илья снова не завёлся сразу. Сиденье было чуть откинута, он подтянул его, щёлкнул ремень. Двигатель завёлся с первого раза. Радио включилось автоматически, Илья сразу же выключил звук.

Дорога шла ровно. Он ехал вместе с потоком, останавливался, трогался, смотрел прямо перед собой. На одном из перекрёстков мелькнула знакомая вывеска аптеки. Он отметил это и тут же перестал.

На работе всё было как обычно. Илья прошёл в кабинет, кивнул коллегам, сел за стол. Компьютер включился не сразу, экран мигнул. Он подождал, не нажимая ничего. Когда изображение появилось, Илья положил ладони на стол, рядом с клавиатурой. Они были сухими.

К обеду в животе появилось ощущение пустоты, но есть не хотелось. Он всё равно спустился в столовую, взял поднос, поставил тарелку с супом. Сел у окна. Суп был горячим, он обжёг язык, но не отодвинул ложку сразу. Дождался, пока пройдёт.

Телефон в кармане завибрировал. Илья замер, не доставая его. Вибрация прекратилась. Он медленно вынул телефон. Сообщение от Марины: «Заберу детей позже. Не жди». Он прочитал, положил телефон экраном вниз и продолжил есть.

После работы он вышел позже обычного. Небо было низким, серым. Машина стояла на том же месте. Илья сел, завёлся и поехал домой. По дороге он заметил, что держит руль слишком крепко, и чуть ослабил пальцы. Руль остался там же.

Дома было шумно. Дети бегали из комнаты в комнату, Марина говорила по телефону, прикрывая микрофон ладонью. Илья разулся, прошёл внутрь. Его почти не заметили. Он поставил сумку у стены, потом переставил её ближе к шкафу.

– Ты ел? – спросила Марина, закончив разговор.

– Да, – ответил Илья.

Он сел на край дивана. Подушки были смяты. Он выпрямил одну, потом оставил как есть. Дети пробежали мимо, задели его коленом. Илья не отреагировал.

Вечером он вышел в магазин. Купил хлеб, молоко, что-то ещё, не запоминая. В очереди впереди стояла пожилая женщина с платком на голове. Она долго искала деньги в кошельке. Илья смотрел на её руки. Когда очередь двинулась, он шагнул вперёд чуть позже остальных.

Дома он поставил пакет на стол, разобрал покупки. Хлеб положил ровно, коркой к стене. Молоко убрал в холодильник. Дверца закрылась с мягким хлопком.

Позже, когда дети уснули, Марина села рядом с ним.

– Ты какой-то сегодня... – начала она и остановилась.

Илья повернул голову. Марина смотрела не на него, а куда-то мимо.

– Какой? – спросил он.

Она пожала плечами.

– Ничего. Устал, наверное.

Илья кивнул. Он чувствовал, как между лопатками нарастает тяжесть, не резкая, а плотная, как если бы туда положили что-то чужое.

Ночью он снова проснулся раньше. В комнате было темно. Марина спала, дети тоже. Илья лежал, слушая тишину. Телефон на тумбочке не светился.

Он протянул руку, нащупал его, взял и тут же положил обратно. Экран остался чёрным. Илья перевернулся на другой бок. Тело не сразу последовало за движением.

Он лежал, уставившись в темноту, и ждал, пока дыхание выровняется. Оно шло неровно, с паузами, как будто кто-то каждый раз задерживал его на долю секунды. Илья положил ладонь на грудь, не прижимая, просто чтобы чувствовать движение. Под ладонью было тепло. Это не успокаивало.

В какой-то момент он понял, что считает – не секунды, не вдохи, а расстояния. От кровати до двери. От двери до кухни. От кухни до входной. Эти расстояния были знакомыми, проверенными. Он мог пройти их с закрытыми глазами. Мысль о том, что сейчас никуда идти не нужно, не принесла облегчения.

Утром он встал, не включая свет. На кухне было серо. За окном кто-то прошёл, тень скользнула по стене и исчезла. Илья включил чайник, закрыл крышку слишком резко, тут же ослабил руку. Вода зашумела.

Он достал чашку, ту, с тонкой трещиной у края. Марина всегда ставила её вглубь шкафа, но Илья снова вытащил именно её. Налил кипятком, пакетик опустился на дно, нить легла на край. Он держал чашку обеими руками, пока не стало горячо.

Телефон лежал на столе, экраном вверх. Илья не трогал его. Пар от чашки поднимался ровно. Он смотрел, как он исчезает, и ждал, что в этот момент что-то изменится. Ничего не изменилось.

– Ты чего так рано? – Марина появилась в дверях, зевая.

– Не спится, – сказал Илья.

Она кивнула, подошла, поцеловала его в висок. Поцелуй был коротким, тёплым. Илья не повернул голову.

– Я сегодня позже, – сказала Марина. – У Лизы занятие.

– Ладно.

Она ушла в ванную. Илья остался за столом. Чай остыл быстрее, чем он ожидал. Он сделал глоток и поставил чашку обратно.

День прошёл без событий. Он делал то, что требовалось, отвечал, когда спрашивали, кивал, когда нужно было согласиться. В какой-то момент он поймал себя на том, что держит плечи приподнятыми, и опустил их. Через минуту они снова поднялись.

Вечером он вернулся раньше. В квартире было пусто. Илья прошёлся по комнатам, остановился в детской. На полу лежали игрушки, одна кукла была без руки. Он поднял её, положил на полку, потом снял обратно и оставил на полу.

На кухне он открыл холодильник, посмотрел внутрь, закрыл. Достал хлеб, отрезал кусок, положил на тарелку. Не стал есть. Крошки остались на столе, он смахнул их ладонью в раковину и сразу же вытер руку о полотенце.

Телефон завибрировал. Коротко. Илья замер. Вибрация повторилась, длиннее. Он взял телефон, посмотрел на экран. Сообщение от Галины: «Я просто хотела сказать, что всё в порядке. Не волнуйся».

Илья прочитал и не ответил. Экран погас. Он положил телефон рядом с тарелкой. Пальцы остались на корпусе, потом он убрал руку и сжал её в кулак.

Когда Марина вернулась с детьми, стало шумно. Она что-то рассказывала, дети перебивали. Илья слушал, кивая. Он чувствовал, как в груди появляется знакомая теснота, не сильная, но устойчивая.

– Мам, папа сегодня странный, – сказала Лиза.

– Не выдумывай, – ответила Марина, бросив на Илью быстрый взгляд.

Он улыбнулся, коротко, так, как умел. Улыбка задержалась на лице дольше, чем хотелось.

Ночью он снова проснулся. Телефон лежал на тумбочке. Экран был тёмным. Илья протянул руку, остановился на полпути и убрал её обратно. Он перевернулся лицом к стене и закрыл глаза.

Тишина была плотной. Она не давила, но занимала всё пространство. Илья лежал, чувствуя, как тело медленно привыкает к этому новому весу, не понимая, легче ему от этого или тяжелее.

Глава 6

Утром Илья не сразу понял, что его разбудило. Не звук, не движение – ощущение, будто в комнате стало теснее. Он лежал, не открывая глаз, и ждал, когда это ощущение отступит. Оно не отступало, просто сместилось ниже, к груди.

Марина уже не спала. Он понял это по дыханию – слишком ровному, слишком собранному. Она лежала на спине, руки сложены на животе. Простыня между ними была натянута, как граница. Илья повернулся на бок, спиной к ней, и тут же почувствовал, как плечи сами подались вперёд.

На кухне пахло вчерашним чаем. Илья открыл окно, впустил холодный воздух. Он постоял так несколько секунд, потом закрыл. Стало тише, но не легче. Он поставил сковороду на плиту, включил конфорку и тут же убавил огонь. Масло растеклось тонким слоем. Он смотрел, как оно собирается в углу.

Телефон лежал на подоконнике. Илья специально положил его туда накануне, экраном вниз. Он не брал его в руки, но несколько раз скользнул взглядом. Экран не загорался.

Марина вошла, не глядя на него.

– Ты опять не спал? – спросила она, открывая шкаф.

– Немного, – сказал Илья.

Она достала чашку, поставила на стол, потом другую. Между ними осталось расстояние. Марина заметила это и подвинула одну ближе. Илья этого не прокомментировал.

– Ты какой-то... – начала она и замолчала.

Илья перевернул яйцо лопаткой. Желток остался целым. Он выложил его на тарелку, отодвинул сковороду.

– Какой? – спросил он, не оборачиваясь.

– Никакой, – сказала Марина. – Просто спросила.

Она налила кофе, сделала глоток, поставила чашку. Кофе плеснул и оставил тёмное пятно на столе. Марина вытерла его салфеткой, скомкала и бросила в мусорное ведро.

Дети вышли почти одновременно. Было шумно, тесно. Илья стоял у плиты, держа тарелку в руках, и ждал, пока можно будет пройти. Его задела локтем, он отступил на шаг. Тарелка накренилась, но он удержал её.

– Пап, ты сегодня нас отвезёшь? – спросил сын.

– Не знаю, – ответил Илья.

Марина посмотрела на него. Взгляд был быстрым, но он его заметил. Он поставил тарелку на стол, сел. Есть не хотелось, но он сделал несколько глотков кофе. Горько. Он не добавил сахара.

В машине Илья поймал себя на том, что не включает поворотник сразу. Он ждёт, потом включает. Машина за ним сигналиит. Он вздрагивает, но не поворачивает голову.

На одном из светофоров он увидел знакомую фигуру на тротуаре – женщина с сумкой, платок завязан слишком туго. Он не стал рассматривать дальше, перевёл взгляд на дорогу. Светофор сменился, он поехал.

Рабочий день тянулся ровно. Илья отвечал на письма, говорил по телефону, записывал что-то на листке, потом перечёркивал. Рука устала быстрее обычного. Он размял пальцы, сжал, разжал. Кровь медленно возвращалась.

В обед он не пошёл есть. Остался за столом, открыл окно. С улицы доносились голоса, смех. Он слушал их, не вникая. Телефон лежал рядом, беззвучный. Он не проверял его.

Ближе к вечеру в груди появилась тяжесть. Не резкая, не острая – как будто туда положили что-то плотное и забыли. Илья выпрямился, сделал вдох, потом ещё один. Тяжесть осталась.

После работы он зашёл в магазин. Взял продукты, которые обычно брала Марина. Он выбирал дольше, чем нужно, читал этикетки, потом брал первое попавшееся. На кассе кассирша улыбнулась ему. Он кивнул, не улыбаясь в ответ.

Дома было пусто. Илья поставил пакет на стол, не разбирая. Сел на стул, положил руки на колени. В этой тишине что-то звучало слишком отчётливо – гудение холодильника, щёлканье часов. Он встал и остановил часы. Стало тише, но пустота не исчезла.

Телефон завибрировал. Коротко. Илья посмотрел на экран. Имя Галины. Он не взял трубку сразу. Вибрация повторилась, потом стихла. Экран погас.

Он сел обратно. Руки лежали на коленях, пальцы сжались сами. Он разжал их, положил ладони на стол. Стол был холодным.

Через несколько минут телефон снова завибрировал. Сообщение: «Я не хотела мешать. Просто скажи, что у тебя всё хорошо».

Илья прочитал и не ответил. Он перевернул телефон экраном вниз и отодвинул его чуть дальше, к краю стола. Край оказался ближе, чем он ожидал.

Когда Марина вернулась, он всё ещё сидел там же.

– Ты чего в темноте? – спросила она, включая свет.

Свет ударил в глаза. Илья моргнул, отвёл взгляд.

– Забыл, – сказал он.

Она посмотрела на него дольше, чем обычно. Потом прошла мимо, начала разбирать пакет. Илья остался сидеть. Тело было тяжёлым, как после долгого дня, хотя день ещё не закончился.

Он не встал, когда она прошла на кухню. Свет остался включённым, тень от стола легла на стену неровно. Марина доставала продукты молча, выкладывала их по привычным местам.

Пакет шуршал слишком громко. Илья заметил, как она на секунду замедлилась, когда брала молоко, потом продолжила.

– Ты сегодня какой-то не здесь, – сказала она, не оборачиваясь.

Илья не ответил сразу. Он чувствовал, как в спине держится напряжение, будто кто-то упёрся ладонью между лопаток и не убирает её.

– Я здесь, – сказал он.

Фраза прозвучала ровно. Он сам услышал это и отметил.

Марина закрыла холодильник. Дверца хлопнула чуть сильнее, чем нужно. Она повернулась к нему.

– Ты с ней говорил? – спросила она.

Илья посмотрел на стол. Поверхность была чистой, но он провёл по ней ладонью, как будто проверяя.

– Нет.

– Она писала?

Он кивнул. Один раз.

Марина выдохнула. Это был не вздох, а короткий выпуск воздуха, как после задержки.

– И?

– Ничего.

Она подошла ближе, остановилась напротив. Между ними остался стол. Илья заметил это, но не стал вставать.

– Илья, – сказала Марина. Она редко называла его по имени в такие моменты. – Ты можешь не отвечать. Ты же понимаешь?

Он кивнул снова. В груди что-то дёрнулось, быстро, как рефлекс.

– Я знаю, – сказал он.

Марина опёрлась на спинку стула. Стул скрипнул.

– Тогда почему ты сидишь так, будто тебя сейчас позовут?

Илья сжал пальцы, разжал. Он не смотрел на неё.

– Не знаю.

Она молчала. Это молчание было другим – не плотным, не давящим. Оно просто было.

– Ты всё время между, – сказала Марина тихо. – Я не прошу тебя выбирать. Я просто хочу, чтобы ты был здесь, когда ты здесь.

Он поднял голову. Марина смотрела прямо на него. В её взгляде не было упрёка, только усталость.

– Я здесь, – повторил Илья.

Она кивнула, будто соглашаясь не с ним, а с чем-то своим. Потом отвернулась, взяла нож, начала резать хлеб. Лезвие стучало о доску. Ровно.

Илья почувствовал, как тяжесть в груди сместилась ниже, к животу. Он встал, подошёл к раковине, включил воду. Вода зашумела, заглушая звук ножа.

– Я сегодня заеду к ней, – сказал он, не оборачиваясь.

Слова вышли сами. Он понял это уже после.

Вода продолжала течь. Он не закрывал кран.

Марина перестала резать. Нож остался лежать на доске.

– Зачем? – спросила она.

Илья смотрел на струю воды. Она разбивалась о дно раковины, брызги летели в стороны.

– Просто... – начал он и замолчал.

Он выключил воду. Тишина вернулась резко.

– Просто? – повторила Марина.

Илья повернулся. Она стояла, опираясь на стол, руки лежали по обе стороны от доски.

– Она волнуется, – сказал он.

Марина закрыла глаза на секунду. Когда открыла, взгляд был ровным.

– И ты?

Он не ответил. В горле стало сухо. Он сглотнул.

– Ты едешь? – спросила она.

Илья посмотрел на часы. Потом на телефон, лежащий на краю стола. Экран был тёмным.

– Не сейчас, – сказал он.

Это было правдой и неправдой одновременно.

Марина кивнула. Она убрала нож, отодвинула доску.

– Тогда давай есть, – сказала она. – Дети скоро придут.

Она сказала это так, будто разговор закончился. Илья остался стоять у раковины. Он чувствовал, как внутри что-то медленно сжимается, без боли, без паники, просто занимая всё больше места.

Когда дети вернулись, квартира снова наполнилась шумом. Илья сидел за столом, ел машинально, почти не чувствуя вкуса. Марина говорила с детьми, смеялась. Он слышал это, но как будто через стекло.

Телефон так и не зазвонил.

Поздно вечером, когда все легли, Илья остался на кухне. Свет был выключен. Он сидел в темноте, положив руки на стол. Стол был холодным.

Телефон лежал рядом. Экран не светился.

Илья сидел и ждал, не формулируя, чего именно. Тело держало напряжение, как будто разговор ещё не закончился, хотя слов больше не было.

Глава 7

Утром Илья проснулся от того, что рука онемела. Он лежал на ней слишком долго, прижав к матрасу. Он пошевелил пальцами – сначала ничего не произошло, потом в них медленно вернулась боль, тупая, покалывающая. Он дождался, пока это станет терпимым, и только тогда убрал руку.

Марина уже встала. В комнате было пусто и светло. Занавеска слегка колыхалась от сквозняка. Илья сел, опустил ноги на пол. Холод прошёл по ступням и задержался. Он не спешил вставать.

На кухне стояла чашка с недопитым кофе. Илья взял её, понюхал, сделал глоток. Кофе был холодным и горьким. Он допил до конца, не морщась.

Телефон лежал на том же месте. Илья проверил экран – пропущенных не было. Он положил телефон обратно и отвернулся.

День начинался обычно. Душ, рубашка, ключи. Он на секунду задержался у зеркала, посмотрел на себя и отвёл взгляд. Лицо было обычным, ничем не примечательным. Он не стал задерживаться.

В подъезде он встретил соседа. Тот кивнул, сказал что-то про погоду. Илья ответил автоматически. Голос прозвучал чужим, будто не из горла, а откуда-то ниже.

В машине он поймал себя на том, что не включает музыку уже третий день. Тишина была плотной, но он её не нарушал. Он ехал медленно, соблюдая дистанцию. Руки на руле лежали правильно, как учили.

На работе он почти не говорил. Слушал, кивал, записывал. Когда к нему обращались, он отвечал коротко. Слова выходили ровно, без усилий. В какой-то момент коллега спросил, всё ли в порядке. Илья кивнул. Вопрос больше не повторяли.

К обеду в животе появилась тяжесть. Он понял, что голоден, только когда встал из-за стола. Он спустился вниз, взял поднос, сел в дальний угол. Ел медленно, не поднимая глаз. В какой-то момент он почувствовал, как челюсти сжаты слишком сильно, и ослабил их. Это помогло ненадолго.

Телефон снова завибрировал уже после обеда. Илья посмотрел на экран. Сообщение от Галины:

«Я знаю, что ты занят. Просто хотела сказать, что всё хорошо».

Он прочитал и не стал отвечать. Экран погас. Он убрал телефон в карман и почувствовал, как внутри что-то тянется, тонко, почти незаметно.

После работы он не поехал домой сразу. Он проехал нужный поворот и остановился у обочины через квартал. Машина заглохла. Илья сидел, не выходя, и смотрел на стекло. По нему медленно сползала капля дождя. Он следил за ней, пока она не исчезла внизу.

Он завёлся и поехал дальше. Дом показался раньше, чем он ожидал.

Дома было тихо. Дети ещё не вернулись, Марина тоже. Илья прошёл в комнату, сел на край дивана. Подлокотник был прохладным. Он положил на него руку и оставил так.

Телефон лежал в кармане. Он не доставал его. Через какое-то время он заметил, что дышит слишком поверхностно, и сделал глубокий вдох. Воздух вошёл тяжело, как через узкое место.

Когда Марина вернулась, она остановилась в дверях.

– Ты рано, – сказала она.

– Да.

Она сняла куртку, прошла мимо. Илья остался сидеть.

– Ты куда-то заезжал? – спросила она уже из кухни.

– Нет.

Марина ничего не ответила. Он услышал, как она открывает холодильник, потом закрывает. Шаги стали ближе.

– Сегодня мама звонила, – сказала она.

Илья не повернул голову.

– Твоя.

Он почувствовал, как внутри что-то сжалось быстрее, чем он успел подумать. Он медленно встал.

– И что? – спросил он.

Марина стояла у стола, держась за спинку стула.

– Она спросила, не случилось ли чего. Сказала, что ты давно не приезжал.

Илья посмотрел на стол. На нём лежала салфетка, смятая в комок.

– Я был занят, – сказал он.

Марина кивнула.

– Я так и сказала.

Он почувствовал, как плечи чуть опустились. Это длилось недолго.

– Она передала, что будет рада, если ты заедешь, – добавила Марина. – Когда сможешь.

Илья молчал. В груди снова появилась знакомая теснота, не резкая, а вязкая. Он сделал шаг к окну и остановился.

– Я подумаю, – сказал он.

Марина посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала. Она отвернулась и начала разбирать сумку.

Илья стоял у окна и смотрел на улицу. Машины проезжали мимо, люди шли, не задерживаясь. Он чувствовал, как внутри нарастает давление, медленно, без всплесков. Телефон в кармане оставался тяжёлым, как будто в нём лежало что-то лишнее.

Он не доставал его.

Он так и стоял у окна, пока за спиной не стало шумно. Дети ввалились почти одновременно, рюкзаки упали на пол, кто-то что-то уронил, Марина повысила голос, тут же снизила. Илья повернулся, отошёл от стекла. Свет с улицы остался позади, внутри было теплее.

– Пап, смотри, – сказал сын, протягивая ему лист с рисунком.

Илья взял лист, подержал, кивнул. Бумага была шершавой, угол загнут.

– Красиво, – сказал он.

Сын убежал дальше. Илья остался стоять с листом в руках, потом положил его на стол, вверх других бумаг. Он не стал выравнивать.

Вечером Марина готовила ужин. Запах лука заполнил кухню, щекотал нос. Илья сидел за столом, листал новости, не вчитываясь. Экран светился, буквы сливались. Он положил телефон рядом, экраном вниз.

– Ты завтра сможешь заехать к ней? – спросила Марина, не поднимая головы.

Илья не ответил сразу. Он чувствовал, как в животе появляется знакомая тяжесть, будто туда положили что-то плотное и забыли.

– Не знаю, – сказал он.

Марина перестала резать. Нож остался лежать на доске.

– Я просто спрашиваю, – сказала она. – Она опять звонила.

Он кивнул. Ладони лежали на столе, пальцы были расставлены. Он свёл их вместе, потом снова раздвинул.

– Она волнуется, – добавила Марина.

Фраза повисла. Илья услышал, как тикают часы, которые он вчера так и не завёл обратно. Тиканье было неровным, будто механизм сбился.

– Я заеду, – сказал он.

Слова вышли тихо. Он сам удивился, что сказал их так легко.

Марина ничего не ответила. Она снова взяла нож, начала резать. Запах стал сильнее. Илья встал, подошёл к раковине, включил воду. Шум заполнил кухню.

– Только ненадолго, – сказала Марина.

Он кивнул, хотя она этого не видела.

После ужина он долго не мог найти ключи. Они лежали там же, где всегда, но он дважды прошёл мимо. Когда нашёл, сжал их в руке слишком крепко. Металл оставил след на коже.

На улице было прохладно. Илья шёл быстро, не оглядываясь. Машина встретила его знакомым запахом. Он сел, положил ключи на соседнее сиденье, потом переложил в карман.

Дорога к матери была знакомой. Он ехал автоматически, не задумываясь, где повернуть. Светофоры сменялись, он реагировал без задержек. Тело знало маршрут лучше головы.

Подъезд был освещён плохо. Лампочка мигала. Илья поднялся по лестнице пешком, хотя лифт работал. Он остановился у двери, вытащил ключи. Рука задержалась на замке.

Из-за двери доносился звук телевизора. Громкость была поставлена выше обычного. Он прислушался, потом вставил ключ и повернул.

– Илья? – голос Галины прозвучал сразу, будто она ждала за дверью.

Он вошёл, снял куртку. В квартире пахло чем-то сладким и тяжёлым.

– Я не знала, приедешь ты или нет, – сказала она, подходя ближе. – Я на всякий случай включила.

Она улыбнулась. Улыбка была привычной.

Илья кивнул. Он почувствовал, как в груди снова становится тесно. Куртка висела на руке, он не спешил вешать её на крючок.

– Проходи, – сказала Галина. – Ты, наверное, устал.

Он прошёл на кухню. Стол был накрыт. Всё стояло на своих местах. Слишком ровно.

Илья сел. Стул скрипнул. Он положил руки на колени. Ладони были холодными.

Телевизор продолжал говорить из соседней комнаты. Голоса смешивались. Илья смотрел на стол и чувствовал, как внутри медленно собирается то самое знакомое напряжение – не резкое, не пугающее, а привычное. Почти родное.

Он не произнёс ни слова.

Глава 8

Галина поставила перед ним тарелку. Илья не заметил, как она это сделала. Тарелка появилась сразу – тёплая, с краем, слегка сколотым с одной стороны. Он посмотрел на неё, потом на Галину.

– Ешь, – сказала она. – Остынет.

Он взял вилку, поднёс ко рту, остановился. Запах был густым, плотным. Он сделал вдох через нос и сразу выдохнул.

– Ты похудел, – сказала Галина, садясь напротив. – Совсем на себя не похож.

Илья кивнул. Вилка так и осталась в руке. Он положил её на край тарелки, не издавая звука.

– У вас там, наверное, суматоха, – продолжила она. – Дети, работа... Марина у тебя хорошая, но ей ведь тоже тяжело. Ты же понимаешь.

Он снова кивнул. Спина чуть согнулась, будто под этим кивком было что-то тяжёлое.

– Я сегодня весь день лежала, – сказала Галина. – Давление. Но ничего, отпустило. Я справилась.

Слово «справилась» прозвучало мягко. Илья почувствовал, как внутри что-то сжалось, коротко, почти незаметно. Он сделал глоток воды, хотя пить не хотел.

– Я не хотела тебя дёргать, – сказала она. – Правда. Ты же знаешь.

Он посмотрел на её руки. Они лежали на столе, одна поверх другой. Кожа была сухой, в складках. Он отвёл взгляд.

– Я рада, что ты приехал, – сказала Галина. – Мне сразу спокойнее.

Илья почувствовал, как плечи сами подались вперёд. Он выпрямился, потом снова опустил голову.

– Ты у меня такой заботливый, – продолжила она. – Не то что сейчас принято. Не все дети такие.

Он опустил вилку в тарелку. Кусок отломился неровно. Он жевал медленно, не чувствуя вкуса.

Телевизор в соседней комнате говорил громко. Галина не убавляла звук.

– Я вот думаю, – сказала она, – если бы не ты... Я даже не знаю.

Фраза повисла. Илья перестал жевать. Горло сжалось, и он сглотнул с усилием.

– Всё хорошо, мам, – сказал он. Слова вышли глухо.

Она улыбнулась. Улыбка была спокойной.

– Я знаю, – сказала она. – Я просто говорю.

Он доел через силу, отодвинул тарелку. Ладони были влажными. Он вытер их о штаны под столом.

– Ты останешься ненадолго? – спросила Галина.

Илья посмотрел на часы. Стрелки стояли не там, где он ожидал.

– Немного, – сказал он.

Она кивнула, будто этого было достаточно.

– Я так и думала, – сказала она. – Ты всегда всё чувствуешь.

Он почувствовал, как внутри снова поднимается знакомая тяжесть. Он сидел, не двигаясь, и ждал, пока она осядет.

Галина встала первой. Она собрала тарелки, аккуратно сложила приборы, понесла всё к раковине. Илья остался сидеть. Стул под ним был жёстким, край сиденья упирался в бедро. Он сдвинулся, но стало только хуже.

Вода зашумела. Галина мыла посуду медленно, не торопясь. Каждое движение было знакомым. Илья смотрел на её спину. Плечи были узкими, лопатки проступали под тканью халата. Он отвёл взгляд.

– Ты можешь пока посидеть, – сказала она, не оборачиваясь. – Я сама.

Он кивнул, хотя она этого не видела.

Телевизор продолжал говорить. Громкий мужской голос сменялся женским, потом снова мужским. Илья не улавливал слов, только интонации. Он заметил, что держит руки между коленями, сцепив пальцы. Разжал. Положил ладони на стол. Стол был тёплым.

Галина выключила воду, вытерла руки полотенцем. Полотенце было тем же, что и всегда, с выцветшим узором. Она повесила его на крючок, поправила.

– Я не буду тебя задерживать, – сказала она, возвращаясь за стол. – Ты же занятой.

Она села напротив, пододвинула к себе чашку.

– Просто... – начала она и остановилась.

Илья поднял голову.

– Просто мне важно знать, что у тебя всё хорошо, – продолжила Галина. – Мне этого хватает.

Он почувствовал, как в груди что-то сдвинулось, не вверх и не вниз, а в сторону, словно освобождая место.

– У меня всё нормально, – сказал он.

Голос прозвучал ровно. Он сам это отметил.

– Я знала, – сказала она. – Ты бы сказал, если бы было иначе.

Она сделала глоток чая, поставила чашку.

– Ты можешь не приезжать так часто, – добавила она. – Я понимаю, у тебя семья. Я не держу.

Слова легли мягко. Илья почувствовал, как напряглись плечи. Он опустил их, но они тут же вернулись обратно.

– Я справлюсь, – сказала Галина. – Я уже привыкла.

Он посмотрел на её лицо. Она не смотрела на него, взгляд был направлен куда-то в сторону окна.

– Мам, – сказал он и замолчал.

Она повернулась к нему.

– Что?

Он не продолжил. В горле стало сухо.

– Ничего, – сказал он.

Она кивнула, как будто именно этого и ждала.

– Ты у меня хороший, – сказала Галина. – Мне повезло.

Илья почувствовал, как ладони стали холодными. Он сжал их, потом разжал. Стул под ним скрипнул.

Он встал.

– Мне пора, – сказал он.

Она поднялась сразу же, будто готовилась к этому.

– Конечно, – сказала она. – Я не держу.

Она проводила его до двери. В прихожей было тесно. Илья надел куртку, застегнул молнию не с первого раза. Галина стояла рядом, слишком близко. Он шагнул в сторону, упёрся в шкаф.

– Ты напиши, как доедешь, – сказала она. – Мне будет спокойнее.

Он кивнул.

– Я не переживаю, – добавила она. – Просто так.

Илья открыл дверь. Холодный воздух из подъезда ударил в лицо. Он вышел, обернулся.

Галина стояла в дверях. Свет из квартиры падал ей за спину, лицо было в тени.

– Береги себя, – сказала она.

Он кивнул ещё раз и закрыл дверь. Замок щёлкнул громко. Слишком громко.

На лестнице он остановился. Ладонь легла на перила. Металл был холодным. Он стоял так несколько секунд, потом начал спускаться, считая ступени, чтобы не думать ни о чём другом.

В машине он не сразу завёл двигатель. Сидел, глядя в лобовое стекло. Отражение подъезда дрожало в нём, расплывалось.

Телефон лежал в кармане. Илья достал его, посмотрел на экран. Сообщений не было. Он убрал телефон обратно.

Он выехал со двора. Фары выхватили асфальт, мокрый, тёмный. Руки на руле сжались сами.

Он ехал молча, не включая радио. В груди оставалось ощущение тесноты, но теперь в нём было что-то ещё – тонкое, тянущее, как незакрытая дверь, за которой кто-то всё ещё стоит и ждёт.

Глава 9

Дорога была пустой. Илья ехал медленно, держась правой полосы, хотя можно было быстрее. Фары выхватывали мокрый асфальт и белые полосы разметки. Он смотрел на них, пока глаза не начали уставать, и тогда перевёл взгляд чуть выше, туда, где дорога исчезала в темноте.

Телефон в кармане напоминал о себе тяжестью. Он не доставал его. Руки на руле были напряжены, пальцы побелели. Он заметил это и ослабил хват, но через минуту снова сжал.

На светофоре он остановился слишком далеко от линии. Исправляться не стал. Красный свет отражался в лобовом стекле, делая салон теснее. Он сидел, не двигаясь, пока не загорелся зелёный.

У дома он заглушил двигатель и остался сидеть. Соседская машина проехала мимо, фары на секунду осветили салон. Илья не пошевелился. Когда свет исчез, стало темнее, чем прежде.

Он поднялся в квартиру тихо. Разулся, поставил обувь ровно, носками к стене. Свет включать не стал. В комнате Марина спала, отвернувшись к стене. Он остановился в дверях, потом прошёл дальше.

На кухне было прохладно. Стол оставался накрытым после ужина, но посуды уже не было. Он сел, положил руки на стол. Поверхность была гладкой, знакомой. Он провёл по ней ладонью и остановился.

Телефон лежал в кармане. Илья достал его, посмотрел на экран. Пальцы задержались над клавиатурой. Он набрал: «Доехал». Стер. Набрал снова.

Экран погас сам.

Он положил телефон экраном вниз и отодвинул его к краю стола. Край оказался ближе, чем он ожидал. Он подвинул телефон обратно, выровнял.

Из спальни донёсся шорох. Илья не обернулся. Он сидел, чувствуя, как внутри медленно поднимается то самое знакомое напряжение – не острое, не резкое, а вязкое. Он ждал, пока оно осядет, как всегда. Оно не оседало.

Он встал, налил себе воды. стакан звякнул о стол. Он сделал глоток, второй. Вода была холодной. Он поставил стакан и сразу же отодвинул его подальше.

Вернувшись в спальню, он лёг, стараясь не шуметь. Матрас скрипнул. Марина пошевелилась, но не проснулась. Он лёг на спину, уставился в потолок.

Тишина была плотной. Не пустой – наполненной ожиданием. Илья лежал, считая вдохи, пока счёт не сбился. Он перевернулся на бок. Тело не сразу последовало за движением.

Телефон на тумбочке не светился. Он знал это, не глядя. Илья закрыл глаза и ждал, пока сон придёт сам. Сон не приходил.

Илья лежал с закрытыми глазами, но темнота не сгущалась. Она оставалась ровной, как поверхность воды, в которую смотришь слишком долго. Илья прислушался. Марина дышала спокойно. Этот звук был рядом, привычный, но сейчас он не тянул к себе, а обозначал расстояние.

Он повернулся на другой бок. Простыня скользнула по коже, остановилась. Илья подтянул колени, потом выпрямился. Ничего не менялось. В груди сохранялось ощущение, будто там оставили незакрытое окно.

Телефон лежал на тумбочке. Илья потянулся, взял его, включил экран. Новых сообщений не было. Он поднёс телефон ближе, словно что-то могло появиться от этого. Экран остался прежним.

Он написал: «Я дома». Не отправил. Стер. Пальцы задержались над клавиатурой, потом он выключил экран и положил телефон обратно. Положил аккуратно, параллельно краю тумбочки.

Он смотрел в потолок. Мысли не складывались во что-то целое, они проходили мимо, оставляя след только в теле. Где-то под рёбрами тянуло, медленно и ровно, как при долгом ожидании. Он сделал вдох глубже обычного. Воздух вошёл с усилием.

Утром Илья встал раньше будильника. Марина всё ещё спала. Он встал, не включая свет, оделся в полумраке. Куртка показалась тяжелее, чем вечером.

На кухне он включил чайник и сразу же выключил. Потом включил снова. Подумал и оставил. Вода зашумела.

Телефон лежал на столе. Экран загорелся сам – сообщение. Он не стал читать сразу. Подождал, пока чайник закипит и щёлкнет. Только потом взял телефон.

«Ты доехал?» – от Галины.

Илья стоял, держа телефон в руке. Плечи сами поднялись, потом опустились. Он написал: «Да». Отправил. Экран потух.

Он поставил чашку на стол, сел. Чай был слишком горячим. Он держал чашку за ручку, не отпуская, пока не стало больно. Потом отпустил и отдернул руку.

За окном начинало светать. Город просыпался медленно, без звуков. Илья сидел, глядя в окно, и чувствовал, как внутри что-то закрепляется – не мысль, не решение, а состояние. Оно было плотным, устойчивым, как привычка.

Телефон больше не загорался.

Он допил чай, встал и начал собираться на работу.

Глава 10

Утром Илья вышел из дома раньше обычного. Подъезд был пустой, свет горел только на первом этаже. Он спускался медленно, считая ступени. На последней остановился, будто что-то проверяя, потом вышел наружу.

На улице было сыро. Воздух пах мокрым асфальтом и листвой. Илья застегнул куртку до конца, хотя было не холодно. Руки сами ушли в карманы. Телефон лежал в правом, он чувствовал его формой, не прикасаясь.

Машина завелась не сразу. Он повернул ключ ещё раз, подождал. Двигатель ожил, звук был резким, потом выровнялся. Илья не тронулся сразу. Посидел, глядя на двор. В одном окне на втором этаже загорелся свет. Он отвёл взгляд.

Дорога была привычной. Он ехал ровно, без рывков. На одном из поворотов пропустил нужную полосу и перестроился позже. Сзади кто-то сигналил. Илья не отреагировал. Сердце ударило сильнее, но он не прибавил скорость.

На работе его встретили короткими кивками. Он ответил так же. Сел за стол, включил компьютер. Экран загорелся слишком ярко, он убавил яркость. Пальцы легли на клавиатуру и задержались.

До обеда он почти не вставал. Когда встал, почувствовал, что ноги затекли. Он прошёлся по коридору, остановился у окна. Снаружи шёл дождь, мелкий, ровный. Капли стекали по стеклу медленно, оставляя следы.

Телефон завибрировал в кармане. Илья достал его, посмотрел на экран. Сообщение от Галины: «Я тут подумала, ты, наверное, устал вчера. Отдохни сегодня. Я справлюсь».

Он прочитал и сразу же убрал телефон. Экран потух. В груди что-то сжалось, неглубоко, как от резкого звука. Он сделал вдох и выдохнул, не меняя выражения лица.

За обедом он ел быстро, почти не жуя. Сел за крайний стол. Кто-то из коллег сел напротив, что-то говорил. Илья кивал, не вникая. Ложка звякала о тарелку, звук был слишком отчётливым.

После обеда он снова вернулся к работе. Мысли не мешали, они просто не появлялись. Было легче, когда их не было. В теле оставалось напряжение, но оно стало привычным, как старая боль.

Вечером он вышел из офиса позже обычного. Дождь усилился. Он шёл к машине, не ускоряя шаг. Куртка намокла, ткань потемнела. Он сел, стряхнул воду с рукава, завёлся.

По дороге домой он поймал себя на том, что держит правую руку ближе к карману, чем к рулю. Он вернул её на место, пальцы легли правильно.

Дома было тихо. Марина ещё не вернулась. Илья разулся, прошёл на кухню. На столе лежала записка: «Ушли с детьми. Будем поздно». Бумага была сложена пополам. Он развернул, потом снова сложил и положил туда же.

Он открыл холодильник, посмотрел внутрь, закрыл. Налил себе воды, выпил стоя. Вода была холодной, прошла вниз без ощущения.

Телефон завибрировал. Он посмотрел на экран. Имя Галины. Илья не ответил сразу. Вибрация повторилась, потом стихла. Он положил телефон на стол, экраном вниз, и отошёл к окну.

С улицы доносился шум машин. Фары отражались в стекле. Илья смотрел, как свет появляется и исчезает, и чувствовал, как внутри медленно собирается привычное напряжение – ровное, без всплесков. Он стоял и ждал, не двигаясь.

Он стоял у окна дольше, чем собирался. Спина начала уставать, но он не менял позу. Стекло было холодным, когда он коснулся его лбом. Он отодвинулся сразу, словно это было лишним.

Телефон снова завибрировал. На этот раз коротко. Сообщение. Илья не спешил брать его. Сначала сел за стол, потом подтянул к себе стул, только после этого перевернул телефон экраном вверх. «Я просто хотела сказать, что всё хорошо. Не переживай». Он прочитал и отложил телефон в сторону, между солью и перцем.

Он включил чайник. Тот зашумел громче, чем обычно.

Илья достал чашку, поставил на стол, потом передвинул ближе к краю. Вода закипела, он налил её, не положив чай. Пар поднимался вверх, запотевали очки, он снял их и протёр край футболки.

Сел и сделал глоток. Вода обожгла язык. Он поставил чашку обратно, не реагируя. Плечи были подняты, он заметил это только тогда, когда они начали болеть. Опустил их медленно, будто проверяя, можно ли.

В коридоре тикали часы. Ритм был ровный, привычный. Илья прислушался к нему, как к ориентиру. С этим звуком было проще держаться в настоящем.

Он прошёл в комнату, сел на край дивана. Подушки были сдвинуты, плед лежал не так, как обычно. Он поправил его, потом сразу же отдернул руку, словно это не имело значения. Телевизор он не включал. Экран оставался тёмным, отражая окно и его собственный силуэт.

Телефон снова напомнил о себе. Звонок. Илья посмотрел на имя, вдохнул и ответил.

– Аллю.

Голос Галины был спокойным, ровным.

– Я не вовремя? – спросила она сразу.

– Нет, – ответил Илья, не проверяя.

– Я просто... хотела убедиться, что ты доехал нормально. Сегодня дождь.

Он молчал, слушая, как она дышит в трубку.

– Доехал, – сказал он.

– Ну и хорошо. Я знала, что ты справишься. Ты у меня всегда такой.

Он сжал край дивана пальцами. Ткань собралась складками.

– Ты ужинал? – продолжила Галина.

– Нет.

– Я так и подумала. Ты никогда не ешь, когда переживаешь.

Илья посмотрел на свои руки. Пальцы побелели.

– Я не переживаю, – сказал он.

Пауза была короткой, но заметной.

– Конечно, – ответила она. – Я просто по привычке. Ты же знаешь, я волнуюсь.

Он кивнул, хотя она не могла этого видеть.

– Ладно, – сказала она мягко. – Не буду тебя отвлекать. Отдыхай. Я всё понимаю.

Он задержал дыхание и только потом выдохнул.

– Спасибо, – сказал Илья.

– Если вдруг что – я здесь.

– Я знаю.

Он положил телефон на стол и не убрал руку сразу. Пальцы ещё несколько секунд лежали на корпусе, чувствуя слабое тепло.

В квартире снова стало тихо. Часы тикали, чайник остывал, вода в чашке покрылась тонкой плёнкой. Илья встал, прошёл на кухню, вылил воду в раковину. Звук был глухим. Он поставил чашку вверх дном и оставил её так.

Пройдя в ванную, умылся холодной водой. Капли стекали по шее, за ворот. Он не вытирался сразу, стоял, опираясь руками о край раковины. Лицо в зеркале выглядело обычным. Он задержал взгляд, потом отвернулся.

Дверь щёлкнула – вернулась Марина. В прихожей слышались шаги, детские голоса, смех. Илья вышел им навстречу.

– Привет, – сказала Марина, снимая куртку. – Мы задержались.

– Ничего, – ответил Илья.

Он помог детям снять обувь, повесил куртки. Руки двигались автоматически. Один из детей что-то говорил, он наклонился, слушая, кивал.

Позже, когда все разошлись по комнатам, Илья лёг рядом с Мариной. Она уже спала. Он лежал на спине, глядя в потолок. Дыхание рядом было ровным, тёплым. Он повернулся к стене, поджал колени.

Телефон лежал на тумбочке, экран был тёмным. Он знал, что если взять его сейчас, там ничего не будет. Эта мысль была тяжёлой.

Илья закрыл глаза, но сон не приходил. Внутри было пусто и тесно одновременно. Он лежал, прислушиваясь к тишине, и ждал, когда она станет привычной.

Глава 11

Телефон лежал экраном вниз, но Илья всё равно знал, кто там. Это знание возникало раньше звука, раньше движения – как короткий толчок под рёбрами, будто кто-то изнутри проверял, на месте ли он. Экран ещё молчал, а тело уже напряглось, плечи стали чуть выше, дыхание короче. Он поднёс кружку к губам и только тогда заметил, что чай остыл. Поставил обратно. Рука задержалась на столе дольше, чем нужно.

– Ты чего завис? – Марина сказала это негромко, не поднимая головы от тарелки. В голосе не было упрёка, только усталость, которая давно перестала искать форму.

Илья не ответил сразу. Во рту оставался привкус вчерашнего кофе, горький, как будто его забыли допить. Он сглотнул, но ощущение не ушло.

Телефон завибрировал. Коротко. Потом ещё раз.

Он перевернул его, не глядя. Просто чтобы прекратить это дрожание. Экран вспыхнул, имя было знакомым до боли, до привычки, до автоматизма. Он нажал «без звука» и положил телефон обратно, но теперь экраном вверх. Так было хуже: имя никуда не исчезало, оно knows how to stay.

– Это мама? – Марина всё-таки подняла глаза.

Илья кивнул. Слова не понадобились. Кивок был маленький, почти незаметный, но от него внутри что-то потянуло вниз, как если бы пол слегка наклонили.

– Возьми, – сказала Марина после паузы. – А то будет потом.

«Потом» прозвучало тяжелее, чем «сейчас». В этом слове было слишком много уже прожитого. Илья почувствовал, как пальцы сжались сами. Телефон стал тёплым, будто от него шло тепло, не настоящее, а навязчивое.

Он поднёс его к уху не сразу. Сначала вдохнул. Потом ещё раз.

– Да, мам.

Там было тихо. Слишком тихо. Он слышал дыхание, не ровное, с паузами. Эти паузы он знал наизусть.

– Я тебя не отвлекаю? – голос был мягкий, осторожный, будто пробовали воду кончиком пальца.

– Нет, – ответ вырвался быстрее, чем он успел подумать. – Мы просто... ужинаем.

Слово «просто» застряло где-то в горле, но он его проглотил.

– А-а... – протянула Галина. – Ну хорошо. Я думала, ты уже освободился. Я просто хотела спросить... ты помнишь, как у нас на даче кран капает?

Он помнил. Он всегда помнил. Плечи снова поднялись, почти незаметно.

– Помню.

– Я тут смотрела, – продолжила она, – и мне кажется, он сильнее стал. Я подставила банку, но она за ночь почти наполнилась. Я испугалась, если честно. Вдруг трубу прорвёт. Я же в этом ничего не понимаю.

«Я же в этом ничего не понимаю» прозвучало как пароль. В животе стало плотнее, как перед лёгким ударом.

– Мам, сейчас уже поздно, – сказал Илья и тут же почувствовал, как это «поздно» стало оправданием, а не границей. – Я могу завтра заехать.

– Завтра... – она замолчала. Тишина была аккуратной, выверенной. – Ну, если тебе так удобнее. Я просто подумала, вдруг ты всё равно будешь проезжать. Я же не настаиваю.

Он представил банку под краном. Представил воду, капающую в тишине. Почему-то от этого стало холодно в ладонях.

– Я заеду, – сказал он. – После работы.

Марина смотрела на него, не перебивая. Лицо было спокойным, но уголки губ чуть опущены, как у человека, который давно перестал удивляться.

– Ты у меня хороший, – сказала Галина почти шёпотом. – Я всегда знала, что на тебя можно положиться.

Эти слова не согрели. Они легли тяжело, как плед, которым накрывают, не спрашивая, жарко ли.

– Ладно, – добавила она. – Не буду тебя задерживать. Поешь там нормально. Ты худой стал.

Он посмотрел на свою руку. Кожа была обычной, знакомой. Никакой худобы он не видел, но слова уже сделали своё.

– Хорошо, мам.

– Спокойной вам ночи, – сказала она и отключилась.

Телефон погас. Стало слишком тихо. Илья положил его на стол. Рука задержалась, потом отёрнулась, будто поверхность была горячей.

Марина молчала. Он чувствовал это молчание кожей, как сквозняк.

– Я завтра задержусь, – сказал он, не глядя. – Маме надо помочь.

– Я поняла, – ответила Марина. Слишком быстро. – Только... ты вчера тоже задерживался.

Он хотел сказать что-то ещё. Что он ненадолго. Что это важно. Что иначе нельзя. Но вместо слов почувствовал, как челюсть сжалась, а язык стал тяжёлым.

– Ты же понимаешь, – вырвалось наконец.

Марина кивнула. Этот кивок был почти таким же, как его собственный минуту назад.

– Конечно, – сказала она. – Я же понимаю.

Илья почувствовал, как внутри что-то сместилось. Не больно. Просто не на своём месте. Он взял вилку, но есть уже не хотелось. Пища на тарелке выглядела чужой, как будто приготовленной для кого-то другого.

Телефон лежал между ними, молчаливый и тяжёлый. И именно это молчание казалось самым громким.

Марина убрала тарелки молча. Звук фарфора о раковину был глухим, будто через слой воды. Илья сидел, не помогая и не мешая, чувствуя, как спина касается спинки стула слишком явно. В этом прикосновении было что-то лишнее, как напоминание о теле, которое сейчас не знало, куда себя деть.

– Ты опять не доел, – сказала Марина уже из кухни. Не вопрос, не упрёк. Фиксация.

Он посмотрел на тарелку. Еда остыла так же, как чай. Масло на картошке застыло тонкой плёнкой. Он взял вилку, сдвинул кусок, но не поднёс ко рту. Внутри всё ещё стояла пауза с телефонной трубкой, нерассосавшаяся, плотная.

– Потом, – сказал он.

Слово вышло пустым. Марина не ответила. Вода в раковине зашумела сильнее, потом тише. Илья поймал себя на том, что считает эти изменения, как раньше считал паузы в материнском дыхании. От этого стало неловко, будто он сделал что-то не то, даже не понимая что именно.

Он встал и подошёл ближе, остановился у порога кухни. Не заходя. Лампочка над мойкой светила ярко, слишком. Марина стояла боком, плечи чуть напряжены. Он увидел это не сразу, только когда взгляд зацепился и не смог оторваться.

– Ты злишься? – спросил он.

Марина выключила воду. Капли ещё стекали по металлу, медленно.

– Нет, – сказала она. – Я устала.

Эти два слова повисли между ними. Он почувствовал, как автоматически ищет следующее – оправдание, смягчение, что-то, что можно предложить взамен. Внутри было знакомое движение, как при разговоре с матерью: если кто-то говорит «мне тяжело», значит, надо что-то сделать.

– Я быстро, – сказал он. – Завтра.

Она обернулась. Посмотрела прямо, без злости, без тепла. Взгляд был ровный, и от этого Илье стало не по себе.

– Ты всегда быстро, – сказала Марина. – В этом и дело.

Он хотел возразить. Сказать, что это не так. Что есть обстоятельства. Что мама одна. Что кран. Что давление. Слова выстроились в голове аккуратной очередью, но ни одно не захотело

выйти первым. Вместо этого он почувствовал, как в груди стало тесно, как будто вдох не доходил до конца.

– Я не могу её оставить, – сказал он наконец. И тут же понял, что это звучит не как факт, а как просьба о понимании.

Марина кивнула. Медленно.

– Я знаю, – сказала она. – Ты всегда так говоришь.

Он заметил, как она вытерла руки полотенцем, слишком тщательно, задерживаясь на каждом пальце. Этот жест зацепил сильнее слов. В нём было что-то окончательное, как точка, которую ставят не в конце фразы, а в середине разговора.

– Мне надо лечь, – сказала Марина. – Завтра рано.

Она прошла мимо него, задела плечом. Не сильно, но достаточно, чтобы он это почувствовал. Тепло от её тела осталось на секунду дольше, чем нужно. Потом исчезло.

Илья остался стоять в кухне. Свет всё ещё был включён. Он не выключил его сразу. Телефон лежал на столе, экран тёмный. Он взял его, проверил – нет ли новых сообщений. Пусто. Это пустое место на экране показалось странно тревожным, как если бы что-то забыли добавить.

Он положил телефон обратно. Сел. Снова посмотрел на тарелку. Вилка лежала так, как он её оставил. Ничего не изменилось, но ощущение было такое, будто всё уже сдвинулось.

В спальне было темно. Марина лежала на боку, спиной к двери. Он не стал включать свет. Сел на край кровати, прислушался. Дыхание было ровным, но он не был уверен, что она спит. Это «не уверен» царапало изнутри.

Он лёг, стараясь не шуметь. Матрас чуть прогнулся, тело нашло привычное место. Привычное – и от этого чужое. Он смотрел в темноту, туда, где должен был быть потолок. В голове снова всплыла банка под краном, капающая вода. Потом – Маринины плечи, напряжённые под светом лампы.

Он перевернулся на бок. Телефон был на тумбочке, экраном вниз. Он знал, что если сейчас взять его в руку, то станет легче. Совсем чуть-чуть. Как от короткого вдоха. Он не взял.

Рядом Марина шевельнулась, глубоко вдохнула, выдохнула. Этот звук был тихим, но от него внутри что-то дрогнуло. Он задержал дыхание, потом выдохнул следом, слишком синхронно.

В темноте он почувствовал, как в животе появляется тяжесть. Не боль, не страх – что-то другое, вязкое. Как будто он сидел между двумя стульями и оба были уже заняты.

Телефон не звонил.

И именно это молчание не давало уснуть.

Глава 12

Утром в квартире было слишком тихо. Илья заметил это не сразу – сначала просто почувствовал, что что-то не давит, как обычно. Звук холодильника казался отчётливым, почти отдельным. Он стоял у стола, держал кружку и ждал, пока вода в чайнике перестанет шуметь. Ждал дольше, чем нужно. Рука устала, но он не опускал её, будто пауза имела значение.

Марина вышла из спальни уже одетая. Волосы собраны, лицо ровное, без следов сна. Она прошла мимо, не глядя, взяла свою кружку. Поставила рядом. Расстояние между ними было небольшим, но ощутимым, как зазор, в который можно просунуть палец и почувствовать холод.

– Я сегодня позже, – сказала она.

Он кивнул. Слишком быстро. Кивок получился механическим, как у тех игрушек, у которых голова держится на пружине. Он почувствовал это движение в шее, неловкость от собственной поспешности.

– У мамы врач, – добавил он, будто продолжая разговор, который она не начинала.

Марина молчала. Чайник щёлкнул и выключился. Он налил воду, пар поднялся и сразу исчез. Он смотрел, как поверхность в кружке дрожит, потом успокаивается.

– Хорошо, – сказала она наконец.

Это «хорошо» не задело, но оставило след. Как если бы что-то положили на полку не на своё место. Он хотел сказать ещё что-нибудь, добавить объёма, но слова не пришли. Вместо этого он почувствовал сухость во рту и сделал глоток, обжигаясь.

Марина ушла первой. Дверь закрылась мягко, без щелчка. Он остался стоять, слушая, как лифт уезжает вниз. Этот звук был знакомым и странно успокаивающим. Пока он длился, всё оставалось на местах.

Телефон лежал на столе. Экран был тёмным. Он перевернул его, положил рядом с кружкой, как будто так ему будет теплее. Несколько секунд ничего не происходило, и он почувствовал лёгкое раздражение, не направленное ни на кого конкретно.

Сообщение пришло внезапно. Короткое. «Ты сегодня сможешь заехать?» Без знаков препинания. Он прочитал его дважды. В груди появилось знакомое движение, как если бы что-то подтянули невидимой ниткой. Он не ответил сразу. Пальцы зависли над экраном.

Внутри возникла пауза, плотная, почти осязаемая. В ней было утро, тишина, Марино «хорошо», пар от чая. И рядом – это сообщение, аккуратное, без давления. Он почувствовал, как плечи сами собой приподнялись, и заставил их опуститься.

Он написал: «После работы». Стер слово «постараюсь». Оставил коротко. Отправил. Экран погас.

Дорога до работы была привычной. Он ловил себя на том, что смотрит на одни и те же места, но не видит их. Светофоры переключались, люди шли, машины тормозили. Всё происходило, но как будто без участия. Внутри всё ещё держалась та самая нитка, натянутая, но не до конца.

На работе он отвечал, говорил, слушал. В какой-то момент заметил, что держит ручку слишком крепко – пальцы побелели. Он ослабил хватку, ручка оставила тонкую полоску на коже. Это показалось ему лишним, как знак, который не должен был появиться.

В обед он не пошёл со всеми. Сел за стол, достал контейнер. Еда пахла нормально, но аппетита не было. Он съел несколько ложек, потом закрыл крышку. Поставил контейнер

обратно в сумку, не убирая в холодильник. От этого решения стало чуть легче, как от маленького нарушения.

Телефон снова завибрировал. «Я не тороплю», – написала мать. Он посмотрел на эту фразу дольше, чем на предыдущую. В слове «не» было что-то настойчивое. Он почувствовал, как в животе появляется знакомая тяжесть, медленная, вязкая.

Илья не ответил, положив телефон экраном вниз. Стол был холодным, и это ощущение через ткань рубашки доходило до локтей.

Когда рабочий день закончился, он вышел позже обычного. На улице было серо, воздух плотный. Он стоял у машины, держа ключи, и смотрел на дверцу, как будто ждал, что она что-то скажет. Ключи звякнули, звук получился резким.

В машине он включил радио, тут же выключил. Тишина внутри салона показалась слишком явной. Он завёл двигатель, выехал. Дорога к матери была другой, короче, но ощущалась длиннее. Он заметил, что едет медленнее, чем обычно. Поймал себя на этом и не стал ускоряться.

Подъезд был знакомый до деталей. Ступени, перила, запах. Он поднялся, остановился у двери, задержал руку на звонке. В этот момент телефон снова завибрировал. Он вздрогнул. Сообщение от Марины: «Ты когда?» Коротко. Без знаков.

Илья посмотрел на дверь, потом на экран. Внутри возникло движение, как при резкой остановке. Он написал: «Скоро». Это слово вышло само. Он не стал его менять. Отправил.

Звонок прозвучал громко. Дверь открылась почти сразу. Мать стояла близко, слишком близко, как всегда. Он почувствовал запах её духов, знакомый, устойчивый.

– Я знала, что ты приедешь, – сказала она тихо.

Он кивнул. Снова этот кивок. В прихожей было тепло, даже душно. Он снял куртку, повесил её аккуратно, задержавшись на этом движении дольше, чем нужно. Вешалка скрипнула.

– Проходи, – сказала мать. – Я чай поставила.

Он прошёл. В кухне горел свет. На столе стояла кружка, одна. Он заметил это сразу и отвёл взгляд. Сел. Стул оказался придвинут близко, колени упёрлись в столешницу. Он не отодвинулся.

Мать суетилась, но движения были спокойные. Она поставила чайник, посмотрела на него, улыбнулась. Эта улыбка была мягкой, привычной. Внутри у него что-то сжалось, не резко, а медленно, как если бы затягивали ремень.

– Ты устал, – сказала она. – Видно.

Он пожал плечами. Это движение вышло неровным. Илья почувствовал, как спина касается спинки стула, и вдруг стало ясно, что выйти отсюда будет трудно. Не сейчас. Не сразу.

Чайник начал шуметь. Он смотрел на мать, на её руки, на то, как она поправляет полотенце на плече. В этот момент телефон в кармане снова дал о себе знать – короткая вибрация, приглушённая тканью. Он не стал доставать его.

Внутри возникло странное ощущение, будто пространство сжалось. Кухня стала меньше, тише. Он сделал вдох и поймал себя на том, что держит его слишком долго.

Чайник щёлкнул.

Мать обернулась.

Илья опустил взгляд.

Мать налила чай медленно, не пролив ни капли. Пар поднимался ровно, как будто знал своё место. Она поставила кружку перед Ильёй, чуть ближе, чем нужно. Он отметил это и не

отодвинул. Пальцы легли на стол рядом, ладонью вниз. Поверхность была тёплой, и от этого стало не по себе.

– Врач сказал, ничего страшного, – сказала она, как будто между делом. – Просто возраст.

Он поднял глаза. Это слово прозвучало спокойно, почти буднично. Внутри что-то откликнулось, но не резко – как тихий толчок изнутри, который легче пропустить, чем заметить. Он сделал глоток. Чай оказался слишком горячим. Язык обожгло, и это ощущение задержалось дольше, чем должно.

– Я же говорила, – продолжила мать. – Не стоит так волноваться.

Он кивнул. Опять. Кивок вышел меньше, чем раньше, но всё равно заметный. Он почувствовал напряжение в шее и медленно повернул голову в сторону окна. Там было темно, отражение кухни висело в стекле, как вторая, более узкая комната.

– Ты, наверное, спешишь, – сказала она. – Я тебя задержала.

Слова были мягкие. В них не было просьбы. И именно это сдавило грудь. Он поставил кружку на блюдце, звук получился глухим. Он хотел сказать «нет», но вместо этого выдохнул.

– Ничего, – сказал он. – Я могу посидеть.

Мать посмотрела на него внимательно, чуть дольше обычного. Потом улыбнулась и отвернулась к раковине. Вода зашумела, и этот шум сразу занял всё пространство. Он смотрел на её спину, на знакомую линию плеч, и чувствовал, как внутри появляется тяжесть – не новая, а старая, давно знакомая.

Телефон снова завибрировал. Теперь сильнее. Он ощутил это бедром. Не двинулся. Шум воды продолжался. Мать закрыла кран и повернулась.

– Ты не отвечай сейчас, – сказала она спокойно. – Ничего срочного.

Он поднял взгляд. Эти слова прозвучали ровно, без интонации. Он почувствовал, как ладонь на столе сжалась сама. Пальцы побелели. Он заставил их разжаться, медленно, по одному.

– Я не против, если ты уйдёшь раньше, – добавила она. – Я справлюсь. Ты же знаешь.

Он кивнул снова. Этот кивок отдался где-то в животе. Он почувствовал, как дыхание сбилось, и сделал паузу, прежде чем вдохнуть. В этой паузе было всё: утро, Маринино «хорошо», сообщение «я не тороплю», эта кухня, этот чай.

– Я посижу ещё немного, – сказал он.

Слова прозвучали глухо. Он сам удивился, как легко они вышли. Мать ничего не ответила. Она села напротив, сложила руки на столе. Между ними осталось пространство, но оно не ощущалось свободным.

Они сидели молча. Чай остывал. Он чувствовал это по кружке – тепло уходило, оставляя после себя пустоту. В голове не было мыслей, только ощущение, что что-то снова заняло своё место, знакомое и тяжёлое.

Телефон больше не вибрировал. Он знал это, не проверяя. Это знание было странно неприятным. Он поймал себя на том, что ждёт ещё одного сигнала – любого.

Мать вздохнула. Тихо. Этот звук был едва слышен, но он уловил его сразу. Плечи снова приподнялись, и он опустил их усилием.

– Спасибо, что приехал, – сказала она. – Мне с тобой спокойнее.

Он опустил взгляд. Внутри что-то сдвинулось, как предмет, который долго стоял криво и наконец упал на бок. Он почувствовал усталость, густую, разливающуюся по телу.

– Я всегда рядом, – сказал он.

Фраза вышла сама. Он понял это уже после того, как она прозвучала. Мать улыбнулась. Чай в его кружке был уже холодным.

За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене и исчез. Кухня снова стала неподвижной. Он сидел, не меняя позы, и чувствовал, как время тянется, вязкое и плотное.

Телефон молчал.

Илья не доставал его.

Глава 13

Поднявшись раньше будильника, Илья долго сидел на краю кровати, не решаясь встать окончательно. Пол ещё хранил ночной холод, и это ощущение под ступнями было неожиданно точным – как напоминание о чём-то не сказанном, но уже существующем. В спальне дышали дети, из соседней комнаты доносилось ровное, почти показательное спокойствие дыхания Марины. Этот звук всегда действовал странно: успокаивал и одновременно заставлял чувствовать себя лишним, будто спокойствие было достигнуто без его участия.

Кухня встретила полумраком и запахом вчерашнего чая. Чашка, оставленная у раковины, стояла именно так, как он её бросил, – на самом краю, с тёмным кольцом на доньшке. Рука потянулась к ней автоматически, но остановилась на полпути. Внутри что-то дёрнулось, и вместо чашки в ладонь легла тряпка. Кольцо исчезло, но ощущение осталось, будто стерли не след, а подтверждение того, что вечер вообще был.

Телефон лежал экраном вниз. Так он стал лежать чаще, чем раньше, и каждый раз этот жест казался случайным, хотя тело помнило момент, когда впервые перевернул его именно так. Экран был тёплым, как будто уже ждал прикосновения. Пальцы зависли, не касаясь, и Илья поймал себя на том, что задержал дыхание. Выдох вышел неровным.

Сообщений не было.

Это отсутствие имело вес. Оно ощущалось не как пустота, а как предмет, который поставили в центр комнаты и ушли, оставив с ним наедине. В груди поднялось знакомое напряжение – не острое, а тянущее, будто кто-то медленно затягивал ремень.

В памяти всплыл вчерашний разговор – не словами, а интонациями. Тихое «я всё понимаю», произнесённое так, будто понимание требовало немедленного подтверждения. «Ты молодец» – фраза, которая раньше согревала, а теперь оставляла после себя липкость, от которой хотелось вытереть руки. Тогда, положив трубку, Илья ещё стоял, прислушиваясь к тишине, словно ожидал, что она заговорит. Она не заговорила.

Кофе закипал дольше обычного. Или показалось. Звук был слишком громким для этого утра, и Илья убавил огонь, хотя вода уже почти закипела. Ложка звякнула о край кружки, и этот звук отозвался где-то под рёбрами. Пальцы дрогнули, но удержали кружку. Капля пролилась на стол и медленно растеклась, оставляя тёмный след. Он не стал вытирать сразу.

В прихожей заскрипела дверь детской. Шаги – мягкие, ещё сонные. Илья обернулся слишком резко, как будто ждал именно этого. Дочь стояла в проёме, прижимая к себе плюшевого зайца, с которым не расставалась уже третий год. Глаза были припухшими, волосы торчали в разные стороны.

– Пап, – сказала она и зевнула, – ты уже здесь?

Этот вопрос прозвучал странно, как будто «здесь» имело несколько вариантов. Илья кивнул, чувствуя, как напряжение в плечах чуть ослабло. Рука сама потянулась, чтобы пригладить ей волосы, и остановилась на секунду раньше, чем обычно. Прикосновение получилось осторожным, почти пробным.

– Мама спит, – добавила она, глядя куда-то мимо.

– Пусть, – ответил Илья, и голос вышел тише, чем хотелось.

Дочь кивнула и забралась на стул, поджав ноги. Этот жест был знакомым, почти семейным, и в то же время напоминал что-то чужое – как повторение сцены, которую уже видел, но в другом составе. В животе появилось ощущение тяжести, будто съел что-то не то.

Когда Марина вошла на кухню, воздух изменился. Не резко, но заметно – как меняется давление перед дождём. Она выглядела усталой, но собранной, и это сочетание всегда действовало на Илью двояко: вызывало желание помочь и одновременно – отступить.

– Ты рано, – сказала она, наливая себе воду.

– Не спалось.

Марина кивнула, не задавая уточняющих вопросов. Этот кивок был привычным и от этого особенно болезненным. Раньше за ним следовало что-то ещё – фраза, взгляд, попытка разобраться. Теперь – только кивок.

– Мама звонила? – спросила она, как будто между прочим.

Вопрос повис в воздухе. Илья почувствовал, как мышцы в спине напряглись, а ладони стали влажными. Он медленно поставил кружку на стол, стараясь не смотреть на Марину.

– Вчера, – сказал он.

– И?

Пауза затянулась. В голове вспыхнули готовые ответы, выстроенные заранее, как защитная линия: «ничего особенного», «всё нормально», «просто поговорили». Но ни один не вышел наружу. Вместо этого Илья заметил, как капля кофе, оставшаяся на столе, подсохла, оставив неровный край.

– Я не поехал, – наконец сказал он.

Марина посмотрела на него внимательно, без удивления. Этот взгляд был прямым, и Илья поймал себя на желании отвести глаза, как делал раньше. Не отвёл.

– Хорошо, – сказала она после паузы.

Слово было простым, но в нём не было ни облегчения, ни радости. Оно прозвучало как констатация факта. Илья почувствовал, как внутри поднимается что-то похожее на протест, хотя не понял – против чего именно.

– Она сказала, что понимает, – добавил он, и сразу пожалел об этом.

Марина слегка усмехнулась, но улыбка не дошла до глаз.

– Конечно, – ответила она и отвернулась к раковине.

В этот момент Илья ясно почувствовал, как между ними встало что-то третье – не человек, не событие, а состояние. Оно не имело формы, но занимало место, и это место нельзя было обойти.

Дочь, до этого молчавшая, вдруг спросила:

– А бабушка приедет к нам?

Вопрос был задан без задней мысли, но тело отреагировало мгновенно. В груди сжалось, дыхание сбилось. Илья посмотрел на Марину, потом на дочь, чувствуя, как слова застревают где-то в горле.

– Не знаю, – сказал он наконец.

– Она говорила, что скучает, – добавила дочь и уткнулась носом в зайца.

Эта фраза прозвучала как эхо. Илья почувствовал, как внутри поднимается знакомое чувство – желание немедленно что-то сделать, исправить, сгладить. Плечи сами собой приподнялись, готовясь нести привычную тяжесть. Он заставил себя опустить их.

Марина положила руку ему на плечо. Прикосновение было коротким, почти деловым, но от этого не менее ощутимым. Илья вздрогнул, как от неожиданного звука.

– Давай позавтракаем, – сказала она.

Он кивнул. Движение получилось резким, словно соглашался не с предложением, а с приговором. За столом стало тесно, хотя места было достаточно. Илья поймал себя на том, что сидит слишком прямо, не опираясь на спинку стула, будто готов в любой момент вскочить.

Телефон всё ещё лежал экраном вниз. Илья не перевернул его. Не сейчас.

Внутри было ощущение, будто что-то важное уже произошло, но никто не объявил об этом вслух. И это молчание начинало жить своей собственной жизнью.

...Стол скрипнул, когда Илья слегка сдвинулся, пытаясь найти положение, в котором спина перестала бы быть такой прямой. Не получилось. Тело словно застряло в режиме ожидания – не напряжение, а готовность, как перед резким звуком, который вот-вот должен прозвучать.

Дочь ела медленно, разламывая тост на мелкие кусочки и поднося их ко рту не глядя. Крошки оставались на столе, на коленях, на полу. Обычно это раздражало, но сейчас взгляд цеплялся за них с каким-то странным вниманием, будто каждая крошка подтверждала: утро действительно происходит, жизнь продолжается, ничего не остановилось.

Марина пила чай маленькими глотками. Чашка поднималась и опускалась ровно, без суеты. В этом движении было что-то окончательное, как в решении, принятом давно и больше не требующем обсуждений. Илья отметил это не мыслью – плечи сами чуть сжались, как если бы в комнате стало прохладнее.

– Ты сегодня удержишься? – спросила Марина, не глядя.

Фраза прозвучала нейтрально, но в ней не было прежней осторожности. Раньше такие вопросы задавались иначе, с небольшим зазором для оправданий. Сейчас зазора не было.

– Не знаю, – ответил Илья.

Ответ вышел честным, но неприятным на вкус. Слишком пустым. В горле появилось сухое ощущение, как после бессонной ночи.

Марина кивнула. Снова этот кивок – короткий, без продолжения. Он будто закрывал тему, даже если тема ещё жила где-то внутри.

Телефон лежал всё так же. Экран вниз. Привычка уже начинала ощущаться телесно – как если бы предмет сам выбрал это положение и теперь сопротивлялся любому другому. Пальцы дёрнулись, но остановились, не дотянувшись.

– А ты мне потом покажешь, как тот фокус? – спросила дочь, облизывая пальцы.

– Какой?

– Ну, с монеткой. Бабушка сказала, что ты лучше всех умеешь.

Фраза повисла в воздухе, как тонкая нить. Илья почувствовал, как внутри что-то сместилось – не резко, а медленно, с неприятным трением. Слово «лучше» отозвалось где-то в груди, тёплым и липким одновременно.

– Посмотрим, – сказал он.

Ответ получился уклончивым, но именно это сейчас казалось единственно возможным. Дочь удовлетворённо кивнула и снова уткнулась в тарелку.

Марина поставила чашку в раковину. Звук фарфора о металл был громче, чем нужно. Или просто уши ловили всё подряд. В этот момент Илья поймал себя на том, что следит не за ней, а за расстоянием между её спиной и столом – словно измерял, сколько там осталось места для чего-то ещё.

– Я сегодня заберу детей сама, – сказала Марина. – У меня получилось договориться.

Это «договориться» прозвучало спокойно, без подчёркивания. Но внутри что-то неприятно кольнуло. Раньше такие вещи обсуждались иначе. Или казалось, что иначе.

– Хорошо, – сказал Илья.

Слово снова легло между ними, как предмет, который поставили и забыли убрать. Марина кивнула, повернулась к дочери, начала вытирать ей рот салфеткой. Жест был заботливым, привычным. Илья смотрел на это слишком внимательно, будто искал подтверждение чему-то, но сам не знал чему.

Мысль о том, что сейчас можно было бы сказать что-то ещё, мелькнула и исчезла. Тело не двинулось.

Когда все встали из-за стола, стало легче дышать, но ненадолго. В прихожей оказалось тесно, хотя раньше это пространство казалось вполне достаточным. Куртка висела криво, рукав зацепился за крючок. Илья потянул – ткань издала сухой звук, похожий на тихий упрёк.

– Ты ключи не забудь, – сказала Марина.

Фраза была обычной, почти бытовой, но Илья вздрогнул. Ключи лежали в кармане, и холод металла внезапно стал ощутимым, как будто напомнил о себе заранее.

– Не забуду.

Дочь обняла его на прощание. Тепло маленького тела было неожиданно сильным. Илья замер на секунду дольше, чем обычно, чувствуя, как это тепло медленно растекается и тут же сталкивается с чем-то плотным внутри.

– Ты придёшь? – спросила она, не поднимая головы.

– Да, – ответил он слишком быстро.

Слово вырвалось раньше, чем успел проверить, правда ли это. В груди что-то сжалось, но он не отстранился.

Дверь закрылась тихо. Слишком тихо. В подъезде пахло пылью и чем-то старым, давно не проветриваемым. Илья задержался на площадке, не сразу нажимая кнопку лифта. Пальцы сжались в кулак сами, без команды.

В кабине было зеркало. Отражение выглядело обычным – ничего выдающегося, ничего, что можно было бы назвать признаком перемен. И всё же взгляд задержался дольше, чем нужно. Глаза казались уставшими, но не от недосыпа. Скорее от постоянного внутреннего усилия – удерживать, не уронить, не отпустить слишком резко.

Телефон завибрировал. Коротко. Один раз.

Илья вздрогнул, будто звук пришёл не извне, а изнутри. Достал телефон, перевернул. Экран загорелся.

Сообщение.

От матери.

«Я просто хотела сказать, что всё хорошо. Не переживай. Я справлюсь.»

Слова были знакомыми, почти ласковыми. Рука, державшая телефон, напряглась. Большой палец завис над экраном. Внутри появилось то самое ощущение – не срочность, не страх, а необходимость что-то подтвердить, вернуть прежний порядок.

Ответ уже начал складываться где-то на уровне мышц: «Хорошо», «Если что – звони», «Я рядом». Плечи сами чуть приподнялись.

Илья опустил их.

Экран погас. Лифт поехал вниз. Внутри стало тихо, настолько, что было слышно собственное дыхание. Оно сбилось, потом выровнялось.

На первом этаже двери открылись с лёгким скрипом. Утренний воздух оказался холоднее, чем ожидалось. Илья шагнул наружу, не оглядываясь.

Телефон остался в кармане.

Он не звонил. И именно это ощущалось сейчас самым трудным.

Глава 14

Проснувшись среди ночи, Илья не сразу понял, что именно его разбудило. В комнате было темно и тихо, слишком тихо, как бывает только тогда, когда что-то должно произойти, но ещё не произошло. Несколько секунд ушло на то, чтобы различить дыхание рядом – Марина

спала, повернувшись к стене, укрывшись почти с головой. Это дыхание было ровным, отстранённым, будто не имело к нему никакого отношения.

Тело не хотело переворачиваться обратно. Напряжение уже стояло в плечах, хотя ничего не случилось. Потолок над кроватью темнел ровным пятном, и взгляд упирался в него, не находя зацепки. Внутри медленно поднималось знакомое ощущение – не тревога, не страх, а ожидание сигнала. Как будто где-то должен был щёлкнуть выключатель.

Телефон лежал на тумбочке. Экран был чёрным, и это почему-то раздражало. Рука потянулась к нему почти незаметно, остановилась в нескольких сантиметрах. Пальцы слегка дрожали, будто от холода. Илья убрал руку под одеяло, но напряжение не ушло.

В голове всплыл вчерашний вечер – не словами, а отдельными кадрами: дочь, засыпающая с зайцем; Марина, молча убирающая со стола; сообщение, которое так и осталось без ответа. От этих картинок внутри стало тесно, словно их было слишком много для одного пространства.

С кухни донёсся слабый звук – или показалось. Илья напрягся, прислушиваясь. Тишина вернулась, плотная, как вата. Сердце стучало чуть быстрее обычного, и этот ритм раздражал. Хотелось, чтобы он замедлился, подстроился под ночь, но тело жило по своим правилам.

Поднявшись, Илья прошёл на кухню, стараясь не шуметь. Пол был холодным, ступни мгновенно почувствовали это, и от этого стало немного легче – холод был реальным, осязаемым. Свет не включал, ориентируясь на слабое освещение из окна. Город за стеклом жил своей жизнью: редкие огни, тёмные силуэты домов, неподвижность.

Стол был пуст. Кружка стояла на том же месте, где её оставили вечером. Илья провёл пальцем по краю – сухо. Этот жест был бессмысленным, но почему-то важным, как проверка реальности.

Сев на стул, он поймал себя на том, что сидит слишком прямо. Спина не хотела расслабляться. Внутри всё ещё жило ощущение незавершённости, будто что-то забыли сделать, но невозможно было вспомнить что именно.

Телефон завибрировал.

Звук был тихим, почти вежливым, но тело отреагировало мгновенно. В груди сжалось, ладони вспотели. Илья взял телефон, не глядя на экран, чувствуя, как пальцы сами находят знакомые грани.

Сообщение было коротким.

«Ты спишь?»

Вопрос выглядел невинным, почти заботливым. Время отправки – 02:17. Илья смотрел на цифры дольше, чем нужно, словно они могли что-то объяснить. Внутри поднялось то самое чувство – необходимость ответить, подтвердить своё присутствие, своё «я здесь».

Пальцы зависли над клавиатурой. Ответ складывался автоматически: «Нет», «Что случилось?», «Всё нормально?» Каждая из этих фраз была готова, отточена годами. Плечи сами приподнялись, дыхание сбилось.

Илья медленно выдохнул.

Экран всё ещё светился. Три точки вверху означали, что сообщение прочитано. Где-то там, в другой квартире, сейчас, возможно, ждали ответа. Эта мысль давила, но не мыслью – тяжестью под рёбрами, как если бы туда положили что-то холодное.

«Просто не спится», – пришло следующее сообщение. – «Подумала о тебе».

Слова были простыми, почти тёплыми. От них в груди разлилось знакомое тепло, и тут же – липкость, от которой захотелось вытереть руки. Илья поймал себя на том, что улыбается – уголки губ едва заметно приподнялись. Улыбка исчезла так же быстро.

Ответить можно было одной фразой. Одной – и всё вернулось бы на привычные рельсы. Внутри поднялось ощущение, будто стоишь на краю чего-то и знаешь: шаг вперёд – и падения не будет, потому что там давно натянута сеть.

Илья положил телефон экраном вниз.

Секунда тянулась дольше обычного. Потом ещё одна. Сердце стучало неровно, будто возмущаясь. В голове мелькнула мысль о том, что так нельзя, что это жестоко, что там – человек, которому сейчас плохо. Тело отреагировало мгновенно: в животе сжалось, плечи снова приподнялись.

Он заставил их опуститься.

За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене и исчез. Кухня снова погрузилась в полумрак. Телефон молчал. Это молчание было другим – напряжённым, наполненным ожиданием, как пауза перед вопросом, который ещё не задали.

Илья сидел, не двигаясь, чувствуя, как внутри борются два привычных импульса: протянуть руку – и удержать её на месте. Рука лежала на столе, пальцы слегка согнуты. Он не убрал её сразу.

Где-то в глубине квартиры зашевелилась Марина. Короткий звук – перевернулась во сне. Это движение отозвалось в теле Ильи неожиданным облегчением, как напоминание о том, где он сейчас находится.

Телефон больше не вибрировал.

Именно это отсутствие звука стало самым тяжёлым.

...Тишина держалась плотнее, чем раньше. Не как отсутствие звука – как присутствие чего-то, что нельзя ни назвать, ни сдвинуть. Кухонные часы щёлкнули, отсчитав минуту, и этот щелчок прозвучал слишком отчётливо, будто пространство решило напомнить о себе.

Пальцы медленно разжались. Ладонь, лежавшая на столе, оставила на гладкой поверхности едва заметный след тепла. Илья провёл по нему другой рукой – машинально, не глядя, – и сразу убрал обе, словно поймал себя на лишнем жесте.

Телефон так и лежал экраном вниз. Переворачивать его не хотелось. Казалось, стоит только увидеть чёрное стекло – и внутри снова поднимется это тянущее, знакомое, требующее. Сейчас оно было притуплённым, но не исчезло. Скорее затаилось, как мышца, сведённая и удерживаемая усилием.

Стул тихо скрипнул, когда Илья встал. Звук показался слишком громким для ночи. В коридоре было темнее, чем на кухне, и это почему-то успокаивало. Половицы под ногами отзывались глухо, без эха, будто дом принимал это движение и не задавал вопросов.

У двери спальни пришлось остановиться. Не потому что что-то мешало – просто тело не сразу решилось продолжить. За дверью было тепло, сонно, почти неподвижно. Там всё происходило по другим правилам, без сигналов и ожиданий.

Илья осторожно лёг, стараясь не задеть Марину. Матрас слегка прогнулся, и это движение отозвалось в груди коротким, странным толчком. Марина что-то пробормотала во сне и повернулась, её плечо коснулось его руки. Контакт был случайным, но от него внутри стало тише.

Потолок снова оказался перед глазами. Темнота здесь была другой – не кухонной, не напряжённой. Дыхание постепенно выровнялось, хотя сердце ещё какое-то время стучало с переборами, будто не верило, что сигнал отменён.

Мысль о том, что сообщение осталось без ответа, возникла и сразу же ушла, не оформившись. Вместо неё пришло ощущение усталости – не физической, а глубокой, накопленной. Как будто долго держал что-то тяжёлое и только сейчас позволил себе опустить.

За стеной прошуршала машина. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. Город продолжал жить, не замечая этих маленьких, почти незаметных сдвигов.

Телефон остался на кухне.

Это решение не ощущалось как победа. Скорее как удерживание равновесия на узкой поверхности, где любое резкое движение могло снова всё перевернуть. Илья лежал, не меняя позы, прислушиваясь к дыханию рядом, к собственному дыханию, к тишине между ними.

Она была непривычной. Не пустой – просто другой.

Сон пришёл не сразу. Сначала было это новое, странное состояние, в котором никто не звал и не ждал подтверждений. И именно в нём чувствовалась тяжесть, к которой ещё предстояло привыкнуть.

Глава 15

Утро началось без резкости. Не было ни рывка, ни внутреннего толчка, который обычно поднимал раньше будильника. Свет в комнате появился постепенно – серый, рассеянный, без

направления. Илья лежал с открытыми глазами, не шевелясь, словно проверял, удержится ли это состояние, если не делать ничего.

Марина спала на спине, одна рука была закинута вверх, пальцы слегка согнуты. В этом жесте не было напряжения – редкость, которую Илья заметил сразу. Он задержал взгляд, не из нежности, а из осторожности, будто боялся нарушить хрупкий баланс. Дыхание рядом было ровным, и это ровное дыхание действовало странно: не успокаивало, а заставляло чувствовать себя наблюдателем.

Под одеялом стало душно. Илья медленно высвободился, стараясь не зацепить ткань. Пол снова был холодным – предсказуемо, почти утешающе. Холод подтверждал: утро действительно наступило, ночь закончилась, никакие сигналы не прорвались сквозь неё.

В кухне было светлее, чем ночью. Серый свет подчёркивал все следы вчерашнего вечера: крошки на столе, чашку с потёком на боку, стул, отодвинутый чуть дальше обычного. Ничего не было убрано, и это почему-то вызывало облегчение. Как будто пространство не пыталось притвориться другим.

Телефон лежал там же. Экран всё так же был обращён вниз. Илья не перевернул его сразу. Сначала налил воду в чайник, поставил на плиту, включил. Щелчок показался слишком громким, и он машинально убавил звук конфорки, хотя это ничего не меняло.

Когда экран всё-таки оказался перед глазами, внутри ничего не дёрнулось. Это отсутствие реакции удивило. Ни пропущенных, ни новых сообщений. Только время и дата. Илья задержал взгляд на цифрах, словно искал подтверждение, что ночь действительно прошла без вторжений.

В груди было пусто и одновременно плотно, как в комнате после переезда, когда мебель уже вынесли, а воздух ещё хранит её форму. Это ощущение не было приятным, но и пугающим его назвать было трудно. Скорее – непривычным.

Чайник зашумел. Илья стоял рядом, слушая, как вода набирает голос. Этот звук заполнял пространство и давал занятие рукам, глазам, ушам. Когда чайник щёлкнул, выключаясь, внутри что-то едва заметно сдвинулось – будто тело отметило ещё одну завершённость.

Дверь детской приоткрылась. Сначала показалась рука, потом – взъерошенная голова. Дочь смотрела сонно, но внимательно, как будто проверяла, на месте ли всё привычное.

– Ты опять рано, – сказала она, не задавая вопроса.

Илья кивнул. Слова показались лишними.

Она забралась на стул, подтянув ноги, и сразу потянулась к хлебу. Крошки посыпались на стол. Илья заметил это и не сделал ничего. Это отсутствие реакции было новым и от этого странным.

– А бабушка сегодня напишет? – спросила дочь, жуя.

Вопрос был задан буднично, без ожидания особого ответа. Но тело отреагировало раньше. В животе появилось знакомое сжатие, плечи слегка приподнялись. Илья опустил их, задержав движение.

– Не знаю, – сказал он.

Ответ снова оказался пустым, но честным. Дочь кивнула, приняв его без возражений, и переключилась на еду. Этот кивок был лёгким, без внутреннего расчёта, и от этого внутри стало неловко.

Марина появилась на кухне позже обычного. Она выглядела собранной, но в движениях чувствовалась медлительность, как после долгого сна или долгого разговора. Илья отметил это без мысли – просто отметил.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе.

Слова прозвучали ровно. Между ними не возникло паузы, и это было непривычно. Обычно в таких местах что-то зависало – вопрос, ожидание, намёк. Сейчас – ничего.

Марина налила себе чай, села напротив дочери, начала есть. За столом стало тесно не от количества людей, а от плотности присутствия. Илья сидел прямо, как и вчера, но теперь это ощущалось иначе – не готовность сорваться, а необходимость удерживать себя на месте.

Телефон лежал сбоку. Экран оставался тёмным. Илья несколько раз поймал себя на том, что взгляд скользит к нему и тут же возвращается обратно, как будто предмет был слишком ярким для утреннего света.

– Ты сегодня как? – спросила Марина, не поднимая глаз.

Вопрос был простым. Без подводки. Без скрытых слоёв.

Илья открыл рот, чтобы ответить, и остановился. Внутри не нашлось готовой формулы. Ничего, что можно было бы произнести автоматически.

– Нормально, – сказал он после паузы.

Слово повисло. Оно не приклеилось ни к чему, не вызвало цепочки. Марина кивнула и продолжила есть. Дочь отломала ещё кусок хлеба.

Илья вдруг почувствовал усталость. Не ту, что приходит к вечеру, а тихую, фоновую, как шум, к которому привыкают. Эта усталость не требовала немедленного действия. Она просто была.

Телефон не звонил.

И в этом отсутствии звука было что-то новое – не облегчение и не тревога, а пространство, которое ещё предстояло заполнить чем-то другим.

...Это «что-то другое» не спешило проявляться. Оно не имело формы и не просилось наружу, и от этого становилось особенно заметным. Илья поймал себя на том, что жует слишком медленно, будто каждое движение требовало отдельного разрешения. Вкус хлеба был пресным, почти отсутствующим, и это тоже казалось знаком – не тревожным, просто фиксируемым.

Марина убрала чашку в раковину. Вода зашумела, закрывая кухню плотным фоном. Этот звук позволял не говорить. Илья воспользовался этим – не из расчёта, а из усталости. Плечи немного опустились сами.

Дочь слезла со стула и, не глядя, прижалась к Марине. Та обняла её одной рукой, продолжая мыть чашку другой. Жест был привычным, но Илья заметил, что раньше в такие моменты чувствовал себя лишним. Сейчас это ощущение не возникло. Вместо него появилось что-то похожее на лёгкую потерю ориентации, как будто привычная схема дала сбой.

– Я пойду, – сказал Илья.

Фраза прозвучала ровно. Без уточнений. Марина обернулась, посмотрела на него внимательно, не задерживаясь.

– Хорошо.

Слово не потянуло за собой ничего. Ни просьбы, ни напоминания. Это отсутствие продолжения резануло неожиданно. Илья задержался у двери кухни, словно ожидая, что сейчас что-то добавят. Ничего не добавили.

В прихожей оказалось прохладно. Куртка висела на своём месте, ключи лежали в привычном кармане. Всё было там, где и должно быть, и именно это создавало странное ощущение нестабильности – как если бы порядок больше не служил опорой.

Перед выходом Илья задержался. Не из сомнения – тело просто не сразу двинулось дальше. Рука коснулась дверной ручки и осталась на ней чуть дольше, чем требовалось. Холод металла был отчётливым, почти резким.

– Ты придёшь вечером? – спросила Марина из кухни.

Вопрос долетел без нажима. Илья почувствовал, как внутри автоматически готовится привычный ответ – быстрый, уверенный. Тело узнало этот момент.

– Да, – сказал он и сам удивился тому, как спокойно это прозвучало.

Марина ничего не ответила. Шум воды снова закрыл пространство. Илья вышел, прикрыв за собой дверь.

Подъезд встретил запахом пыли и сырости. Лестница была пустой, шаги отдавались глухо. Илья шёл медленно, не потому что спешить было некуда, а потому что торопиться не хотелось. Это нежелание оказалось неожиданно устойчивым.

На улице было пасмурно. Свет рассеянный, без теней. Машины проезжали мимо, не привлекая внимания. Илья остановился у машины, не сразу открывая дверь. Телефон в кармане напомнил о себе тяжестью. Не вибрацией – просто присутствием.

Рука потянулась и остановилась. Внутри не было срочности. Ни толчка, ни привычного зуда. Только лёгкое напряжение, как от непривычной позы.

Илья сел за руль. Салон показался теснее обычного, хотя ничего не изменилось. Зеркало отразило лицо – знакомое, без особых признаков перемен. Взгляд задержался на секунду дольше, чем нужно, и ушёл.

Мотор завёлся мягко. Звук был ровным, успокаивающим. Илья выехал со двора, не оглядываясь.

На первом светофоре телефон всё-таки оказался в руке. Экран загорелся сразу. Новых сообщений не было. Это отсутствие больше не било, как раньше. Оно ощущалось как давление, но уже не острое, а распределённое – по всему телу.

Светофор переключился. Илья убрал телефон обратно, не проверяя ещё раз. Машина тронулась.

Мысль о том, что теперь так может быть всегда – без ночных сообщений, без уточнений, без необходимости подтверждать присутствие, – мелькнула и исчезла. Тело не дало ей оформиться. Вместо этого появилось ощущение дороги под колёсами, ритма движения, необходимости следить за потоком.

Это было проще.

И сложнее.

На повороте Илья заметил, как сжимает руль сильнее, чем нужно. Пальцы побелели. Он ослабил хватку, не сразу, с усилием. Руль остался на месте. Машина не потеряла направление.

В этот момент стало ясно одно: привычка отпускать ещё не сформировалась. Её не было. Было только усилие – удерживать себя от старого движения.

И этого усилия пока хватало.

Телефон молчал.

Илья ехал дальше, чувствуя, как в этом молчании постепенно появляется новая плотность – не обещание и не угроза, а пространство, в котором больше нельзя прятаться за чужую нужду.

Глава 16

Днём пространство вело себя иначе. Свет был резче, звуки – плотнее, и в этом дневном давлении прежние ночные решения начинали терять чёткость. Рабочий стол встретил привычным беспорядком: стопка бумаг, чашка с остывшим кофе, экран с открытым файлом, в кото-

рый никто не смотрел. Клавиатура холодила пальцы, как будто напоминая о необходимости делать вид, что всё идёт по плану.

Письмо, начатое утром, оставалось недописанным. Курсор мигал, раздражая своей настойчивостью. Несколько строк перечитывались снова и снова – слова выглядели правильными, но не держались друг за друга. В груди появилось лёгкое давление, не требующее действия, но не позволяющее расслабиться. Илья отодвинулся от стола, позволяя спинке кресла принять часть веса.

Шум в коридоре офиса проходил фоном: шаги, приглушённые голоса, смех, который возникал и исчезал, не задевая. Это движение чужих жизней действовало странно успокаивающе – здесь никто не ждал подтверждений, не требовал внимания, не считывал паузы. Можно было просто существовать в промежутке между задачами.

Телефон напомнил о себе тяжестью в кармане. Не звуком – присутствием. Рука скользнула внутрь и сразу остановилась. Кожа почувствовала холод корпуса, и этого оказалось достаточно, чтобы напряжение вернулось. Илья вынул руку, положил её на стол, прижал ладонью бумагу, словно фиксируя реальность.

На экране компьютера всплыло уведомление. Совещание через десять минут. Эта конкретность была удобной: время, место, цель. Никаких скрытых слоёв. Илья встал, не торопясь, чувствуя, как тело подстраивается под новый режим – рабочий, нейтральный, безопасный.

В переговорной было прохладно. Кондиционер гудел ровно, без перебоев. Коллеги рассаживались, перебрасывались короткими фразами. Чужие голоса не требовали реакции, и это позволяло молчать без последствий. Илья занял место у стены, положил блокнот перед собой, открыл его на чистой странице.

Разговор шёл о цифрах. Таблицы сменяли друг друга на экране, указка скользила по строкам. Илья слушал, отмечая не содержание, а ритм – как фразы подхватываются, как паузы заполняются сразу, без ожидания. Здесь пауза была просто паузой, а не сигналом.

Когда очередь дошла до него, ответ прозвучал коротко. Слова легли на место без сопротивления. Никто не смотрел слишком внимательно, не задерживался на интонациях. Это отсутствие пристального взгляда действовало освобождающе и одновременно оставляло лёгкую пустоту, как после резкого снятия нагрузки.

Совещание закончилось вовремя. Люди разошлись, обсуждая что-то своё. Илья остался на месте ещё на минуту, позволяя комнате опустеть. Стул напротив был сдвинут, на столе осталась забытая ручка. Он передвинул её ближе к краю и тут же поймал себя на этом жесте – ненужном, лишнем. Рука замерла и отдёргнулась.

Возвращаясь к столу, Илья почувствовал усталость. Не тяжёлую, а рассеянную, как шум, который долго игнорировали. Она не мешала работать, но требовала внимания. Он сел, открыл файл и дописал абзац, не перечитывая. Текст получился ровным, без излишеств. Это устроило.

Телефон снова дал о себе знать – на этот раз короткой вибрацией. Сердце отозвалось мгновенно, будто звук прошёл сквозь тело. Илья достал телефон и посмотрел на экран.

Сообщение было от Марины.

«У меня задержка. Заберу детей позже. Ты сможешь быть к семи?»

Вопрос был прямым. В нём не было просьбы между строк, не было скрытого ожидания. Внутри что-то сместилось, освобождая место. Илья набрал ответ почти сразу.

«Да».

Коротко. Без добавлений. Палец нажал «отправить» и сразу убрал телефон в стол. Рука слегка дрожала, но дрожь быстро сошла на нет.

Экран снова остался пустым. В этом пустом пространстве появилось ощущение, будто день получил форму – не завершённость, а направление. Илья откинулся на спинку кресла, закрыл глаза на несколько секунд и выдохнул.

Работа продолжилась.

И где-то на краю внимания держалось понимание – не мыслью, не формулировкой, а телесной готовностью, – что вечер ещё впереди, и он будет другим.

...К вечеру усталость сместилась. Она больше не была фоном – стала ощутимой, как вес одежды, которую носят слишком долго. Илья закрыл ноутбук, не проверяя, всё ли сохранено, и сразу пожалел об этом резком жесте. Крышка щёлкнула громче, чем хотелось. В комнате кто-то кашлянул, и звук вернул ощущение присутствия других людей.

На улице воздух оказался плотным, влажным. Город дышал медленно, будто готовился к дождю. Машина вписалась в поток без усилия, светофоры переключались ровно, без задержек. В зеркале мелькали чужие лица – усталые, сосредоточенные, замкнутые. В этом общем движении было что-то успокаивающее: никто не ждал от него подтверждений, никто не отслеживал паузы.

Телефон молчал. Илья отметил это не мыслью – расслаблением в плечах. Руки лежали на руле спокойно, без привычного напряжения. На повороте пришлось притормозить, и это замедление совпало с внутренним – будто тело наконец позволило себе не спешить.

Двор встретил шумом детских голосов. Несколько ребят гоняли мяч, смеялись, перекрикивая друг друга. Илья остановился у подъезда, заглушил двигатель и задержался на секунду дольше, чем нужно. Салон пах нагретым пластиком и чем-то ещё – знакомым, домашним. Это «домашнее» ощущение не требовало немедленной реакции, и от этого было непривычно.

В квартире было пусто. Тишина не давила, не тянула – просто была. Илья снял куртку, повесил её на крючок, отметил, что рукав не зацепился. Этот мелкий порядок действовал странно: не успокаивал, но давал ощущение устойчивости.

На кухне стоял слабый запах утреннего чая. Илья открыл окно, впуская прохладный воздух. Шум улицы стал фоном, не вторгаясь. Телефон лёг на стол экраном вверх – жест получился почти демонстративным, и Илья это заметил. Экран оставался тёмным.

Прошло несколько минут. Потом ещё. Время тянулось неравномерно, как будто проверяло терпение. Внутри возникло привычное желание заполнить паузу – чем угодно. Рука потянулась к телефону и остановилась. Пальцы сжались и разжались, оставшись на столе.

Ключ в замке повернулся неожиданно тихо. Марина вошла усталой, но собранной. Дети протиснулись следом, сразу заговорили, перебивая друг друга. Квартира наполнилась звуками – рюкзаки упали на пол, кто-то засмеялся, кто-то пожаловался. Илья смотрел на это с некоторой отстранённостью, как будто пространство стало больше, чем днём.

– Ты уже здесь, – сказала Марина, ставя сумку.

Фраза была констатацией, без скрытого слоя. Илья кивнул, чувствуя, как внутри что-то отпускает.

– Я поем и лягу, – добавила она. – День был длинный.

– Хорошо.

Ответ прозвучал просто. Дети уже тянулись к холодильнику, спорили, кто первый. Илья вмешался без слов, поставил тарелки, разлил суп. Движения получались уверенными, без внутреннего комментария.

За столом стало шумно. Ложки стучали, разговоры пересекались. Илья ел медленно, прислушиваясь не к словам, а к ритму – как всё складывается само, без усилия. Телефон лежал рядом. Экран не загорался.

– Пап, смотри, – сказала дочь, показывая рисунок. – Это мы.

Лист был неровно раскрашен, фигуры схематичны. Илья задержал взгляд на своей – большой, рядом с маленькими. Что-то внутри откликнулось коротко и глухо, без привычной сладости.

– Красиво, – сказал он и положил лист рядом.

Марина посмотрела мельком и улыбнулась. Улыбка была усталой, но настоящей. Илья отметил это телом – лёгким теплом под рёбрами.

После ужина дети разошлись по комнатам. В квартире снова стало тише, но теперь эта тишина была иной – наполненной, не требующей подтверждений. Марина ушла в спальню. Илья остался на кухне, собирая посуду. Вода шумела ровно, закрывая пространство.

Телефон молчал.

Илья выключил свет, оставив только ночник в коридоре. Тело отозвалось на это решение спокойствием, как будто день действительно подошёл к концу. В спальне Марина уже спала, отвернувшись к стене. Илья лёг рядом, не касаясь.

В темноте не было ожидания сигнала.

И это отсутствие не давило. Оно просто было – новым, непривычным, но выдерживаемым.

Глава 17

Утро началось с шума. Не резкого, не тревожного – просто жизнь вошла в квартиру раньше, чем хотелось. За стеной что-то упало, потом ещё раз, и смех – короткий, обрывистый, детский. Илья открыл глаза сразу, без перехода, как будто сон оборвался, а не закончился.

В комнате было тепло. Воздух стоял плотный, ночной, и тело реагировало на это лениво, с сопротивлением. Рука нащупала край одеяла, потянула его вниз, освобождая грудь. Дышать стало легче, но не сразу.

Марина уже не спала. Она сидела на краю кровати, наклонившись вперёд, застёгивала брашлет на часах. Движения были точными, экономными. Этот ритм всегда означал одно – день уже начался, и под него придётся подстраиваться.

– Доброе, – сказала она, не оборачиваясь.

– Угу.

Ответ прозвучал скорее как выдох. Илья сел, опуская ноги на пол. Холод ударил резко, и от этого по спине пробежала короткая дрожь. Эта дрожь была к месту – возвращала в тело, вытаскивала из остатка сна.

В коридоре снова засмеялись. Потом хлопнула дверь детской. Илья задержал взгляд на спине Марины – не из привычки, а из странного ожидания, будто сейчас что-то добавят. Ничего не добавили. Она встала и вышла, оставив после себя ощущение ровной, закрытой траектории.

На кухне было светло. Слишком светло для утра. Шторы кто-то уже раздвинул, и солнечное пятно лежало прямо на столе, обнажая все мелочи – царапины, пятна, следы вчерашней спешки. Илья остановился на пороге, не заходя сразу, словно это пространство требовало отдельного согласия.

Дочь сидела за столом, болтая ногами. Перед ней стояла тарелка с кашей, половина которой уже была размазана по краям. Ложка лежала рядом.

– Я не хочу, – сказала она, увидев его. – Она тёплая.

Илья кивнул. Тепло от слова «она» отозвалось внутри неожиданно – не приятно, не больно, а узнаваемо. Рука потянулась к тарелке и остановилась.

– Тогда не ешь, – сказал он.

Фраза прозвучала легко. Слишком легко. Дочь удивлённо посмотрела на него, потом на тарелку, потом снова на него.

– Правда?

– Правда.

Она улыбнулась и тут же потянулась за хлебом. Крошки снова посыпались на стол. Илья смотрел на них, не испытывая привычного раздражения. Вместо этого появилось ощущение нервозности – как будто допустил что-то лишнее, но не понял, что именно.

Марина вернулась с телефоном в руке. Экран светился. Илья отметил это сразу – не мыслью, телом. Плечи слегка напряглись, потом опустились.

– Мама писала? – спросила Марина, не поднимая глаз.

Вопрос был задан спокойно, без интонации ловушки. Илья почувствовал, как внутри что-то провернулось – не защёлкнулось, а именно провернулось, сместив акцент.

– Нет, – сказал он.

Марина кивнула и убрала телефон в карман. Движение было коротким, без продолжения. Илья поймал себя на том, что ждал комментария. Его не последовало.

За столом стало теснее. Не физически – от плотности присутствия. Дочь рассказывала что-то о школе, перескакивая с одного на другое. Марина слушала, кивала, иногда вставляла короткие реплики. Илья ел молча, отмечая, как ложка стучит о тарелку, как звук отражается внутри.

Телефон лежал на краю стола. Экран тёмный. Илья несколько раз ловил взгляд на нём и каждый раз возвращал его обратно, к столу, к детям, к Марине. Это возвращение требовало усилия, но усилие было уже знакомым.

– Ты сегодня заедешь к ней? – спросила Марина, как будто между прочим.

Фраза прозвучала ровно. Илья не ответил сразу. Внутри поднялось привычное – готовность оправдываться, объяснять, раскладывать по полкам. Он почувствовал это по напряжению в шее.

– Не планировал, – сказал он наконец.

Слова легли тяжело, но не провалились. Марина посмотрела на него внимательно, без упрёка.

– Хорошо.

Это «хорошо» не было ни поддержкой, ни разрешением. Оно просто фиксировало реальность. Илья заметил, как дыхание стало глубже, медленнее. Это замедление было новым и оттого непрочным.

Дочь вдруг спросила:

– А бабушка обидится?

Вопрос повис в воздухе. Илья почувствовал, как внутри всё напряглось сразу, без очереди. В животе потянуло, плечи приподнялись. Он опустил их, задержав движение.

– Не знаю, – сказал он.

Ответ снова оказался честным и оттого неудобным. Дочь нахмурилась, потом пожала плечами и снова уткнулась в тарелку. Марина ничего не сказала. За столом стало тише.

Илья поймал себя на том, что ждёт звука – вибрации, сигнала, чего угодно, что снимет это зависание. Ничего не произошло.

И именно в этом ничего – в паузе, в недосказанности, в невозможности закрыть вопрос – тело оставалось напряжённым, но уже не рвалось вперёд автоматически.

Это было похоже на удерживание равновесия. Пока ещё – с усилием.

...Равновесие держалось недолго. Не потому что что-то нарушили – просто тело ещё не умело в нём жить. Ложка снова стукнула о край тарелки, и этот звук показался лишним, как слово, сказанное в неподходящий момент. Илья отложил её, не доев, и сразу отметил это – не как решение, а как фиксацию.

Марина встала первой. Стул тихо скрипнул, и этот скрип разорвал плотность стола. Она начала собирать со стола, двигаясь спокойно, без спешки. Руки действовали точно, без лишних движений. В этом порядке было что-то окончательное, и от этого внутри снова возникло знакомое напряжение – не тревога, а готовность к возражению, которому не находилось повода.

– Я побежала, – сказала она, надевая куртку. – Опоздаю сегодня.

– Хорошо.

Слово снова оказалось достаточным. Марина посмотрела на него чуть дольше обычного, как будто проверяла не ответ, а состояние. Илья выдержал взгляд, не отводя глаза. Это требовало усилия – небольшого, но заметного.

Дверь закрылась. Квартира на секунду опустела, потом наполнилась детским шумом. Дочь что-то искала, ворчала, смеялась сама с собой. Илья стоял у окна, глядя на двор. Машины выезжали одна за другой, люди торопились, не задерживаясь взглядом ни на чём. Этот ритм был знакомым и потому успокаивал.

Телефон остался на столе. Экран тёмный. Илья заметил, что больше не отслеживает его краем зрения постоянно. Это отсутствие слежки ощущалось непривычно, как если бы перестал контролировать что-то важное. В груди появилось лёгкое давление, но оно не требовало немедленного ответа.

– Ты меня отвезёшь? – спросила дочь, появляясь рядом.

– Да.

Слово прозвучало уверенно. Дочь кивнула и убежала одеваться. Илья остался стоять, прислушиваясь к звукам квартиры – шагам, хлопанию дверей, шороху одежды. Эти звуки не складывались в требование. Они просто были.

В прихожей стало тесно. Куртка снова зацепилась за крючок, и Илья не стал её поправлять сразу. Этот мелкий беспорядок почему-то показался допустимым. Ключи оказались в кармане – привычное место, привычный вес. Холод металла отозвался коротким напряжением в ладони, но не пошёл дальше.

На улице было прохладно. Воздух резал лёгкие, и от этого дыхание стало глубже. Машина стояла там же, где её оставили. Дверь открылась легко. Внутри пахло вчерашним вечером и чем-то ещё – смесью пластика и ткани. Илья сел за руль, пристегнулся, завёл мотор. Звук был ровным, без рывков.

Дочь устроилась на заднем сиденье, болтая ногами. Она что-то рассказывала, не ожидая ответов. Илья слушал не слова, а интонацию – спокойную, уверенную. Телефон в кармане не напоминал о себе. Это отсутствие отклика ощущалось странно – как если бы пропал фоновый шум, к которому привыкли.

На светофоре машина остановилась. Илья поймал своё отражение в стекле – на секунду, не задерживаясь. Лицо выглядело обычным. Ни напряжения, ни облегчения. Только след усталости, который не хотелось анализировать.

– Пап, – сказала дочь, – а если бабушка позвонит?

Фраза прозвучала спокойно, без тревоги. Илья почувствовал, как внутри снова поднимается знакомое – не импульс, а тень импульса. Он не ответил сразу.

– Тогда поговорим, – сказал он наконец.

Ответ был неопределённым, но в нём не было автоматического «да». Дочь кивнула, приняв это как должное, и отвернулась к окну.

Светофор переключился. Машина тронулась. Дорога вытянулась вперёд, ровная, без резких поворотов. Илья держал руль спокойно, не сжимая сильнее, чем нужно. Это спокойствие было непрочным, но реальным.

Телефон молчал.

И в этом молчании не возникало немедленной пустоты. Скорее – пауза, в которой ещё не научились жить, но уже перестали бояться.

Глава 18

Утро не оформилось сразу. Оно тянулось, как плохо зашторенный свет – не резкий, не мягкий, просто присутствующий. Илья проснулся раньше будильника, не из-за тревоги, а из-за ощущения, что тело больше не лежит. Глаза ещё были закрыты, но спина уже чувствовала жёсткость матраса, а шея – неправильный угол. Он не шевелился сразу. Дал этому ощущению побыть.

Рядом Марина дышала ровно. Дыхание шло глубже, чем обычно, с длинным выдохом. Это было дыхание человека, который спит не «между делом», а по-настоящему. Илья поймал себя на том, что старается не нарушить этот ритм – не повернуться резко, не задеть. Эта осторожность была старой, выученной. Она включалась раньше, чем мысль.

Он перевернулся медленно. Потолок оказался ближе, чем хотелось. На нём была та же едва заметная трещина, которую он видел каждое утро, но редко фиксировал. Сейчас взгляд задержался. Линия шла неровно, будто колебалась. Илья провёл по ней взглядом до конца, не торопясь.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Он знал это, не глядя. Знал и то, что экран тёмный. Это знание не требовало подтверждения. В груди появилось короткое напряжение, как перед тем, как проверить что-то важное, но движение не последовало. Рука осталась на простыне.

Из кухни донёсся тихий щелчок – включился холодильник. Звук был знакомый, бытовой, и от этого почему-то стало легче. Дом продолжал жить своим порядком, не ожидая участия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.